

В. С. Ковин

КОРОЛЕВСКИЙ ДВОР ЯКОВА I СТЮАРТА: КОРОЛЕВСКАЯ СПАЛЬНЯ, ЕЕ СЛУГИ И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ

Шотландский король Яков VI Стюарт вступил на английский престол под именем Якова I весной 1603 г. Считается, что его воцарение придало новый импульс развитию абсолютистских тенденций в Англии. Хотя вначале, после смерти Елизаветы Тюдор, расстановка политических сил была такова, что Яков I не смог установить контроль ни над Тайным советом, ни над парламентом, ни над другими государственными институтами. Основная масса государственных постов осталась в руках елизаветинской знати. На это, видимо, и рассчитывал государственный секретарь Англии Роберт Сесил, лоббируя приглашение короля Шотландии на английский престол. Первоначально современникам даже показалось, что Сесилу и его сторонникам удалось достичь желаемого. Летом 1603 г. наблюдатели считали, что советники «были в большей власти, чем прежде», им удалось победить шотландцев, которые «главным образом, охотились за деньгами». Говорили, что «король в настоящее время совершенно в руках Совета: (он) оставил советникам такую абсолютную власть, что они сделались сильнее, чем прежде»¹. В данной ситуации королевский двор стал фактически первой и во многих отношениях единственной опорой власти нового монарха. На практике усиление власти Совета оказалось временным и весьма ограниченным явлением, ибо вне контроля советников оказалась деятельность ближайших королевских слуг. Якову I и его приближенным потребовалось некоторое время на адаптацию к новым условиям. Уже осенью 1603 г. Совет призвал свою неспособность ограничить королевскую щедрость и возросшую активность ближайших королевских

---

¹ A Jacobean Journal / Ed. by G. B. Harrison. London, 1946. Vol. 1. P. 48.

слуг. Неудачу в установлении контроля над правительственными структурами Яков I компенсировал убедительной победой при дворе.

Королевский двор раннего Нового времени можно рассматривать в трех аспектах: пространственном, институциональном и социальном. Понятие «королевский двор» включает в себя три подсистемы: королевская резиденция, или дом (house, palace); хаусхолд (household), то есть совокупность придворных служб; а также придворное сообщество или двор в узком смысле (court), то есть королевское окружение в целом.

Королевская резиденция создает архитектурно-пространственную основу двора, составляет и организует пространство, на котором разворачивается частная и публичная жизнь монарха и его окружения, определяет его границы, формирует внутреннюю административно-хозяйственную структуру королевского хаусхолда. Королевская резиденция представляет собой комплекс апартаментов (chambers), многие из которых имели статус отдельных королевских служб (offices), формировали собственный церемониал и штат должностных лиц и слуг со специфическим набором функций и полномочий.

Королевский хаусхолд представляет собой институциональный аспект феномена двора как совокупности почетных, церемониальных, хозяйственных, охранных, увеселительных, религиозных служб и должностей. Именно в этом смысле двор можно рассматривать в качестве одного из государственных органов, служащие и подразделения которого (департаменты и субдепартаменты) были наделены определенными функциями, обязанностями, полномочиями, действовали на основе установленных норм, правил и традиций. Различные службы хаусхолда обеспечивали реализацию повседневных потребностей монарха, придворных и слуг двора, организовывали деятельность всего придворного сообщества.

Само придворное сообщество (то есть высшая и низшая знать, имевшая доступ ко двору, а также высокопоставленные иностранные гости и дипломаты) не было аморфным образованием уже только потому, что, помимо прочих, к нему принадлежала значительная часть королевских слуг и должностных лиц, которых официальный статус обязывал регулярно присутствовать при дворе. Кроме того, при дворе складывались различные социальные и политические группы и группировки (так называемые придворные фракции).

Можно предположить, что королевский хаусхолд и был «ядром», первоосновой двора. Яков I со слугами и придворными часто путешествовал по стране и на продолжительное время покидал главную резиденцию — Уайтхолл, но при этом не оставался без двора. Были периоды, когда почти вся придворная знать и другие присутствующие

по каким-либо причинам оставляли монарха (например, Яков I остался «один» на новогодние торжества 1606–1607 гг., что вызвало его крайнее недовольство), но и в этом случае нельзя говорить о том, что двор на какое-то время прекращал свое существование. И только тогда, когда Яков I с небольшим количеством самых близких слуг из Королевской спальни отправлялся на охоту в один из загородных дворцов, современники сообщали о том, что король оставил свой двор (то есть хаусхолд) и отбыл без остальных слуг и придворных служб.

Вступившему на престол после английской королевы Елизаветы Тюдор, шотландцу Якову I Стюарту пришлось решать несколько непростых задач относительно организации королевского двора. Ему предстояло вновь превратить двор из «женского» в «мужской», из чисто английского по своему составу — в смешанный англо-шотландский, а также укрепить политические позиции и социальный статус своих ближайших шотландских слуг. Благодаря его усилиям, направленным на утверждение персонального правления, в условиях исторически сложившегося и достаточно сложного английского государственно-бюрократического механизма ключевую роль приобрело именно ближайшее придворное окружение нового монарха — королевские слуги.

С восшествием на престол Якова I **притягательность двора** значительно возросла. После долгих лет елизаветинской экономии и сдержанности в расходах, специфического стиля государственного управления самой Елизаветы ожидалось, что новый король будет более щедр к своим новым подданным. Королевский двор мгновенно наполнился знатью, преуспевающими джентри и амбициозной молодежью, ищущими королевской милости, щедрости и доходных мест. Каждый из претендентов приводил ко двору собственных слуг и клиентов. Сам же Яков I проявил чрезвычайную разборчивость в распределении королевской щедрости, отдавая явное предпочтение приближенным шотландцам и избранным представителям английской знати.

Общая структура английского хаусхолда в основе своей сложилась при Тюдорах. Поэтому некоторые исследователи отвергают значимость нововведений Якова I, считая их формальными и незначительными². В действительности эти новшества привели к существенному смещению акцентов в расстановке политических сил при яковитском дворе.

Выделение новых служб хаусхолда и изменение сферы деятельности старых департаментов, учреждение новых должностей и восстановление

---

² *Newton A. P.* Reforms in the Royal Household // *Tudor Studies* / Ed. by R. W. Seton-Watson. New York, 1969. P. 233; *Aylmer G. E.* The Attempts at Administrative Reform, 1625–1640 // *English Historical Review*. 1957. Nr. 72. P. 3, 136; *Loades D.* The Tudor Court. New Jersey, 1987. P. 78.

прав, а также более четкое определение обязанностей уже существующих должностных лиц, усовершенствование и усложнение церемониала — все это было направлено на то, чтобы вывести короля и его хаусхолд из-под политико-административного и финансового контроля Тайного совета, государственных ведомств и отчасти парламента.

Политика Якова I повлияла на персональный и социальный состав двора. Ему удалось сохранить в Англии своих ближайших шотландских слуг³. Тюдоровская аристократия постепенно была почти полностью вытеснена из ближайшего королевского окружения и смещена с постов, дающих прямой доступ к монарху. Елизаветинцы, сохранившие места в придворной администрации, испытывали постоянное давление⁴. Так, например, Яков I настойчиво требовал от лорда Джона Стенхоупа передать свой пост вице-камергера Королевской палаты одному из шотландцев. Роберту Сесилу стоило больших усилий уговорить Якова I сохранить за лордом Говардом, графом Саффолком, пост лорд-камергера двора⁵. Обманулись в своих ожиданиях также и те представители английской аристократии, которые находились в опале при Елизавете Тюдор и, поддерживая кандидатуру Якова Стюарта на английский престол, надеялись на продвижение по службе.

Английский хаусхолд в начале XVII в. имел традиционную для европейских дворов трехчастную структуру. Он состоял из придворных департаментов Королевской палаты (King's Chamber or Household upper stairs), Дворцового хозяйства, или Королевского хаусхолда (King's Household or Household below stairs), и Королевской конюшни, или службы шталмейстера двора (King's Stables or Office of the Master of the Horse). Каждый из департаментов состоял из различных служб, которые выполняли строго определенные функции по обслуживанию лично монарха или двора в целом. Высшими должностными лицами королевского двора были руководители этих трех главных придворных департаментов: лорд-стюард (lord steward) возглавлял Королевский хаусхолд, лорд-камергер — Королевскую палату и шталмейстер — Королевскую конюшню. Лица, занимающие эти должности, относились к числу высших государственных деятелей и входили в состав Тайного совета. Претенденты

³ *Cuddy N.* The Revival of the Entourage: the Bedchamber of James I, 1603–1625 // *The English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War* / Ed. by D. Starkey. London, 1987. P. 174–175.

⁴ *Cuddy N.* The Conflict Loyalties of a «Vulger Counselor»: the Third Earl of Southampton, 1597–1624 // *Public Duty and Private Conscience in Seventeenth-Century England* / Ed. by J. Morrill. Oxford, 1993. P. 121–150.

⁵ *Akrigg G. P. V.* Jacobean Pageant, or The Court of James I. Cambridge, 1962. P. 24.

на эти должности назначались лично королем и, как правило, из числа пэров Англии. Они были главным управляющими королевского двора, возглавляли так называемый «белый штат» хаусхолда (white staves) — группу высших придворных слуг, наделенных административной властью на территории двора и соответствующими привилегиями.

Слуги Королевской палаты (King's Chamber) — высшего придворного департамента («хаусхолд высших ступеней» — Household upper stairs) были призваны регулировать сложившийся при дворе порядок жизни монарха и церемониал. Именно они обеспечивали выполнение представительских функций монарха как символа государства и нации. Слуги, входившие в состав этого департамента, выполняли важные организационные, церемониальные, повседневные и иные функции и были, безусловно, более приближены к государю, чем слуги других придворных служб. К службе в Королевской палате привлекались лица более высокого положения, чем в других придворных ведомствах. Слуги палаты составляли почетное окружение государя. В силу особой близости к монарху члены Королевской палаты могли оказывать влияние на политическую жизнь.

К началу XVII в. **внутренняя организация Королевской палаты** прошла многовековую эволюцию и имела достаточно сложную внутреннюю структуру. Изначально «высший хаусхолд» формировался вокруг архитектурно-пространственного центра двора — собственно Королевской палаты (Camera regis), центрального и самого безопасного помещения в резиденции монарха. В период правления Якова I Королевская палата состояла из нескольких пространств, имевших статус придворных служб (offices) или субдепартаментов: Королевская спальня (Bedchamber), Присутственная палата (Presence Chamber), Личная или рабочая палата короля (Privy Chamber) и ряд других. Каждая из них имела свой штат придворных слуг. Существенное внутреннее разделение Королевской палаты произошло еще при первых Тюдорах. В ней выделился закрытый для посторонних мир личных королевских покоев (privy lodgings) **с центром в так называемой Личной палате (Privy chamber)**. Оставшиеся «внешние комнаты» (outer chambers) стали служить лишь для официальных церемоний, выходов короля к подданным. С выделением личных королевских покоев внутри двора фактически была проведена граница между публичной и частной жизнью монарха. Однако при Елизавете штат королевских покоев был заполнен фрейлинами и служанками, которые не имели какого-либо значительного политико-административного влияния.

В правление Якова I Стюарта **конфигурация служб Королевской палаты** постепенно трансформируется. На ведущее место в придворных

и политических кругах выдвигаются слуги Королевской спальни (King's bedchamber). Как самостоятельный субдепартамент двора Королевская спальня получила значительную независимость от высших чинов двора, а обязанности ее слуг постепенно вышли далеко за рамки личного обслуживания короля. Спальня стала центром не только личной, но и политической жизни монарха, церемониальным центром двора. Эта часть пространства двора оказалась как бы «вырезана из остальной палаты»⁶.

Как уже отмечалось, главой Королевской палаты являлся лорд-камергер королевского двора (lord chamberlain). В отечественной литературе конца XIX – начала XX в. он нередко именовался, по аналогии с российским императорским двором, министром двора⁷. Формально это была вторая по своему положению придворная должность после главы «нижнего хаусхолда» — лорд-стюарда. В действительности это был важнейший и влиятельнейший пост в масштабах всего королевства. В качестве главы департамента лорд-камергер выполнял важные административные и церемониальные обязанности. Он осуществлял общее руководство деятельностью служб Королевской палаты и контролировал назначение на многие придворные должности. Своим авторитетом лорд-камергер гарантировал права и привилегии королевских слуг. Например, в 1604 г. депутаты сомневались в том, имеют ли они право самостоятельно наказать провинившегося во время церемонии открытия первого стюартовского парламента королевского стражника, или это находится исключительно в полномочии лорд-камергера. Видимо, было признано последнее, поскольку депутаты ограничились лишь устным внушением незадачливому стражнику⁸.

Кроме того, глава Королевской палаты выполнял ряд представительских и церемониальных функций. Лорд-камергер отвечал за проведение особо важных государственных церемоний, таких как коронация, крестины, свадьбы, похороны королевских особ. Он руководил торжественными обедами в присутствии монарха, контролировал соблюдение порядка следования (расположения участников церемоний в соответствии с их рангом) и разбираал возникавшие в связи с этим споры⁹. Он также руководил организацией приема иностранных представителей, выдавал предписания (orders) на осуществление соответствующих

⁶ *Starkey D.* Introduction: Court History in Perspective // *The English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War* / Ed. by D. Starkey. London, 1987. P. 4.

⁷ *Кузнецов К. А.* Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах. Одесса, 1915. С. 313–314.

⁸ *A Jacobean Journal.* Vol. 1. P. 117, 120.

⁹ *Finetti Philoxenis: Som Choice Observations of Sir John Finet, Knight, and Master of the Ceremonies.* London, 1656. P. 9, 26, 28 etc.

мероприятий службам двора. Кроме того, он мог потребовать от лондонских горожан предоставления жилья иностранным гостям¹⁰.

При дворе Якова I **основным пространством владений лорд-камергера** стала так называемая Присутственная палата. Именно здесь лорд-камергер как глава Королевской палаты встречал иностранных послов или членов королевской семьи во время разнообразных церемоний, в то время как слуги хаусхолда располагались в различных помещениях дворца согласно «их месту службы» (office)¹¹. Специальной обязанностью лорд-камергера был контроль над деятельностью лондонских театров, их лицензирование и цензура спектаклей, для чего в его подчинении находился небольшой штат цензоров.

Как правило, на должность лорд-камергера назначался один из фаворитов монарха¹². В основном это были представители влиятельнейших английских фамилий и придворных фракций (например, Говарды и Хандзоны при Елизавете).

В начале мая 1603 г. Яков I Стюарт, прибыв во дворец Теобальдс, где он принял английский двор и государственное управление, под влиянием Сесила назначил на должность лорд-камергера Томаса Говарда, впоследствии графа Саффолка. Это было одним из ключевых назначений нового двора. Томас Говард был католиком, сыном герцога Норфолка¹³. Говард занимал пост лорд-камергера с 1603 по 1614 гг. В первые годы яковитского правления уже в качестве графа Саффолка он был одним из лидеров происпанской и прокатолической фракции Говардов при дворе. Он принял активное участие в переговорах о заключении мира с Испанией в 1604 г. Являясь руководителем Королевской палаты, Саффолк был членом большого количества правительственных комиссий и комитетов, в том числе и по расследованию «Порохового заговора».

---

¹⁰ Loomie A. J. Introduction // Ceremonies of Charles I. The Note Books of John Finet 1628–1641. New York, 1987. P. 26.

¹¹ Например, церемония креации Генри принцем Уэльским в Уайтхолле. — См.: The Progresses, Processions, and Magnificent Festivities of the King James the First: In 4 vols. / Ed. by J. Nichols. London, 1828. Vol. 2. P. 325; в 1615 г. французского посла никто не встретил в Присутственной палате, так как лорд-камергер Роберт Карр, граф Сомерсет, находился в заключении в Тауэре (Finetti Philoxenis... P. 28).

¹² Loades D. The Tudor Court. Batsford, 1986. P. 51.

¹³ Персональные данные королевских слуг реконструировались по: Calendar of State Papers. Domestic Series. The Complete English Peerage / Ed. by F. Barlow. London, 1775; The Complete Peerage of England, Scotland, Ireland: In 8 vols. / Ed. by G. E. Cocksiein. London, 1887–1898; The Progresses...; Dictionary of National Biography. Passim.

В интересах семьи Говардов Саффолк поддержал развод своей дочери с графом Эссексом ради ее брака с шотландским фаворитом Якова I Робертом Карром. В интересах шотландских слуг нового короля Саффолк стал своего рода разменной монетой в отношениях между Яковом I и тюдоровской аристократией. Возглавив Королевскую палату, он, тем не менее, был лишен возможности вмешиваться в деятельность шотландских слуг Королевской спальни. Ему пришлось играть роль их покровителя при дворе, а позже уступить свою должность тому же Роберту Карру.

Роберт Карр, граф Сомерсет, занимал пост лорд-камергера с 1614 по 1615 гг. Еще в 1603 г. в качестве пажа Карр сопровождал Якова Стюарта в Англию, но быстро потерял место при дворе. Некоторое время Карр находился во Франции, а после возвращения был принят в свиту ведущего тогда королевского фаворита и советника Джорджа Хоума. В 1607 г. Карру удалось обратить на себя внимание короля. Король включил его в состав Королевской спальни. В 1609 г. Яков I обеспечил Карра землей, конфисковав имение у Уолтера Рэли. В 1611 г. Карр получил титул виконта Рочестера и кавалера ордена Подвязки. В 1613 г. он стал графом Сомерсетом и, наконец, в 1614–1615 гг. занимал должность лорд-камергера двора.

Третьим лорд-камергером Якова I — с 1615 по 1625 гг. — был Уильям Герберт, граф Пемброк, лидер «протестантской» фракции при дворе. В первую половину правления Якова I Пемброк активно поддерживал политику государственного секретаря Роберта Сесила. В 1611 г. Герберт был включен в Тайный совет. Таким образом, ему удалось закрепиться при яковитском дворе, где его ярыми соперниками стали члены клана Говардов. Один из Говардов, лорд-адмирал граф Нортгемптон, после смерти Р. Сесила в 1612 г. злорадствовал по поводу того, что кроме Пемброка почти «никто не проронил слезы о смерти Сесила»¹⁴. Католики Говарды еще при Сесиле видели своих главных оппонентов не в профранцузски настроенных шотландцах, а в политическом пуританизме, который олицетворял Пемброк и его союзники. Пемброк пытался установить отношения с лидером шотландцев — королевским фаворитом Робертом Карром, но вскоре они стали соперниками из-за должности шталмейстера. Пемброк рассматривал пост королевского конюшего как возвращение части семейной собственности: ранее пост принадлежал его родственникам, графам Лейстеру и Эссексу. К тому же Карр вступил в брак с представительницей католического клана Говардов. Обстановка

---

¹⁴ Calendar of State Papers. Domestic Series. Vol. 9. 1611–1618 / Ed. by M. A. E. Green. London, 1857–1859 (далее — CSP Dom. 1611–1618). P. 133.

при дворе накалилась, но Пемброк был весьма прагматичным политиком. Он осознал, что в данный момент (1612–1613) открытая конфронтация была бессмысленна, и решил отойти в тень. Это несколько успокоило Якова I и создало видимость согласия при дворе. Король стал подумывать о том, чтобы передать пост лорд-камергера Пемброку, но его опять обошел Карр. Только после падения фаворита и краха семьи Говардов Пемброк получил долгожданный пост. Это была своеобразная уступка со стороны короля. Яков I никогда не оказывал ему особенного покровительства, но считался с графом и уважал.

Возглавив Королевскую палату, Пемброк не изменил свои политические взгляды. Граф попытался восстановить авторитет поста лорд-камергера. В частности, он старался ограничить внешнеполитическую активность слуг Королевской спальни, препятствуя их контактам с иностранными послами¹⁵. Кстати, по свидетельству герцога Ньюкасла, Пемброк сам всю жизнь стремился «войти в спальню»¹⁶. Вскоре у него возникли трения с новым королевским фаворитом Джорджем Вилльерсом, герцогом Бэкингемом, из-за прав лорд-камергера на контроль над младшими и средними слугами двора. В последующие годы граф Пемброк вел активную парламентскую деятельность, критикуя внешнюю политику Бэкингема. Позднее Пемброк был вынужден примириться с Бэкингемом в интересах своего наследника — племянника Филиппа Герберта, который был женат на дочери фаворита.

Поскольку лорд-камергер принимал активное участие в политической и придворной жизни, он переключал значительную часть своих придворных обязанностей на подчиненных, оставляя за собой общее руководство департаментом и церемониальные функции.

Ближайшим помощником лорд-камергера и его заместителем был вице-камергер (*vice-chamberlain*) хаусхолда. Должность вице-камергера считалась одним из высших постов при дворе. Лица, занимавшие пост вице-камергера, также нередко входили в состав Тайного совета. При Тюдорах вице-камергер осуществлял ревизии штата Королевской палаты, чтобы выявлять среди ее слуг тех, кто по болезни, некомпетентности или из-за отсутствия определенных качеств не должен был служить в высшем департаменте двора¹⁷. Кроме того, вице-камергер был хранителем ключей королевского дворца. На практике когда при дворе находился лорд-камергер, то формально не было необходимости в присутствии

---

¹⁵ Об этом свидетельствуют дневники церемониймейстера двора Джона Финета: *Finetti Philoxenis...* P. 31.

¹⁶ *Cuddy N. The Revival of the Entourage...* P. 213.

¹⁷ *English Historical Documents* (далее — EHD). Vol. 5. 1485–1558 / Ed. by С. Н. Williams. London, 1971. P. 514.

вице-камергера. Но в случае длительного отсутствия главы Королевской палаты при дворе его заместитель должен был быть призван в хаусхолд. Например, так произошло в 1619 г., когда лорд-камергер хаусхолда граф Пемброк вместе с другими высшими королевскими слугами был послан Яковом I в Шотландию, а вице-камергер Джон Дигби прибыл ко двору, чтобы «заменить [его] и представлять эту должность»¹⁸.

При Якове I Стюарте должность вице-камергера часто совмещалась с постом казначея Королевской палаты (Treasurer of the Chamber). Он отвечал за расходы департамента, его казну, рассчитывал годовой бюджет палаты и выплачивал жалование ее слугам. В его распоряжение Казначейство передавало средства, предназначенные для содержания всего королевского двора¹⁹.

С вступлением на престол Якова I Стюарта Королевская палата стала постоянно испытывать нехватку средств. Суммы, поступавшие из Казначейства, с трудом покрывали растущие расходы департамента и его слуг. Большая их часть уходила на устройство придворных церемоний, развлечений (маскарады, спектакли, игры, рыцарские турниры) и выплату жалования слугам. Пытаясь преодолеть первоначальную стесненность в средствах, новый монарх выделил часть поступавших в Королевскую палату ассигнований в распоряжение личного королевского казначея (**keeper of the privy purse**, буквально — хранитель «личного кошелька»). Личный казначей короля хранил наличные деньги для оплаты повседневных расходов монарха.

Должность личного королевского казначея была учреждена Генрихом VII, но до начала XVII в. она объединялась с постом королевского постельничего. При Якове личный казначей — самостоятельная фигура в составе Королевской спальни. Как правило, этот пост занимал один из королевских фаворитов. Личный королевский казначей, единственный из всех финансово-ответственных лиц двора, не отчитывался ни перед кем, кроме самого короля. Отчеты о его расходах перестали поступать в Казначейство именно при Якове I (с 1605 г.), когда пост занял Джордж Хоум — один из ближайших королевских слуг из числа шотландцев²⁰. В 1611 г. хранителем «личного кошелька» Якова I также стал один из шотландских королевских слуг Джон Марри²¹. Он сохранил его до конца яковитского правления. Марри, позднее шотландский граф Аннандейл,

¹⁸ The Letters of John Chamberlain: In 2 vols. / Ed. by N.E. McClure. Philadelphia, 1932. Vol. 2. P. 257.

¹⁹ Пример бюджета на 1600 г. представлен в: The Tudor Constitution Document and Commentary / Ed. by G.R. Elton. Cambridge, 1960. P. 46–47.

²⁰ Cuddy N. The Revival of the Entourage... P. 200.

²¹ CSP Dom. 1611–1618. P. 36.

занимал одно из ключевых мест в системе патронатно-клиентных и политических отношений раннестюартовского двора. Вскоре к нему перешел контроль за личной королевской печатью.

Показательно, что расходы «личного королевского кошелька» за первые пять лет правления Якова I возросли в 5 раз по сравнению расходами за тот же период в последние годы правления Елизаветы. Это один из самых высоких показателей роста королевских расходов²². С приходом к власти Якова I роль «личного королевского кошелька» резко изменилась. Теперь это были не только расходы на повседневные нужды монарха. Главное место в расходах личного королевского казначея заняли денежные награды, подарки, пожалования ближайшим слугам Якова I. «Личный кошелек» превратился в своего рода личную финансовую службу монарха по обеспечению важных услуг и неотложных дел в интересах короля²³.

Произошло изменение и источников пополнения личной Королевской казны. Казначейство не было способно на регулярной основе обеспечить непостоянные и чрезвычайные по своему объему потребности нового короля. Возросло количество экстраординарных средств, поступавших в обход государственного Казначейства²⁴. Например, в июле 1614 г. 5400 фунтов поступило от новых барристеров (*serjeants-at-law*) в качестве их должностных вступительных взносов, а в 1619 г. — 6000 фунтов поступило от города Лондона за подтверждение хартий. В 1620-е годы значительные средства поступали через герцога Бэкингема от продажи титулов и должностей.

Личный королевский казначей числился в составе Королевской спальни (*Bedchamber*), которая стала социально-политическим и пространственным центром раннестюартовского двора, ведущей придворной службой с момента восшествия на престол Якова I.

Выделение Спальни как отдельного субдепартамента королевской палаты началось еще при Генрихе VIII с ограничением доступа в опочивальню короля и выделением так называемой Личной палаты. При Марии и Елизавете Тюдор это разделение не имело большого значения,

---

²² *Dietz F. G.* English Public Finance. 1558–1641. London, 1964. P. 113.

²³ *Cuddy N.* The Revival of the Entourage... P. 201.

²⁴ Формально в первые годы правления Якова I Стюарта перечисления из Казначейства в «личный кошелек» короля сократились с 25–23 тысяч фунтов в 1603–1605 гг. до 10–11 тысяч в 1605–1611 г., но эти подсчеты не учитывают экстраординарных поступлений. — См.: *Cuddy N.* The Revival of the Entourage... P. 200; *Dietz F. C.* The Receipts and Issues of the Exchequer during the Reigns of James I and Charles I // *Smith College Studies in History.* 1928. Vol. 13. Nr. 4. P. 158–163.

поскольку штат личных апартаментов был заполнен фрейлинами и служанками. Политическое влияние елизаветинских фаворитов в большей степени зависело от личного расположения королевы, чем от их места в придворных структурах.

При Якове I слуги Королевской спальни взяли на себя всю заботу о повседневной деятельности монарха. Они составили его постоянное окружение. Королевская спальня была предметом личной юрисдикции монарха. Яков I сам определял численность и персональный состав ее штата. Ее слуги лишь формально подчинялись лорд-камергеру двора.

В первые годы правления штат Спальни был строго ограничен. Там служили только шотландцы, политически и лично преданные королю. Они ограничили влияние на короля английской аристократии и старых елизаветинских придворных слуг. В то же время придворная жизнь Якова I стала более открытой по сравнению с елизаветинской эпохой. Ограничив доступ в Спальню, Яков достаточно часто покидал ее пределы, чтобы принять участие в очередном придворном празднестве или ином действии. Более того, отношение короля со своим окружением было гораздо более близким, чем у его предшественников. Выделение Спальни как обособленного внутри Королевской палаты субдепартамента сочеталось с большей открытостью нового монарха перед своими подданными. Таким способом он надеялся завоевать симпатии остального английского придворного сообщества.

Первоначально в состав Королевской спальни входило четыре камергера-спальника (*gentlemen of the Bedchamber*), шесть камер-юнкеров (грумов) (*groom of the Bedchamber*), шесть камер-пажей (*page of the Bedchamber*). Они участвовали в процессе облачения короля, готовили королевскую постель, сопровождали суверена во время торжественных церемоний и загородных прогулок. Слуги Спальни всегда были деятельными участниками королевских охот, забав и развлечений.

Действительным руководителем Королевской спальни стал оберкамергер двора (*first gentleman of the Bedchamber*), или постельничий (*groom of the Stole*). Формально старший камергер — следующая должность после вице-камергера двора, но в действительности она имела гораздо более высокое политическое значение. По одной из версий, название должности произошло от королевской мантии (*stole*), которую монарх надевал по особо торжественным случаям и за которую оберкамергер нес ответственность. По другой версии, и более реальной, название происходило от королевской ночной вазы (*stoole* — стул, стульчак), за которую также отвечал королевский постельничий. Последняя обязанность делала его самым близким слугой короля, что создавало своего рода интимную основу для его влияния.

Обер-камергер должен был прислуживать монарху, куда бы тот ни направлялся и где бы он ни находился. Только обер-камергер сопровождал государя в карете во время поездок. Каждое утро постельничий возглавлял ритуальное облачение короля. Он также наблюдал за качеством королевского белья. Как первый слуга короля он имел право проживать в ближайшей к королевской спальне комнате, а по указанию своего господина — спать на тюфяке в ногах королевской постели. Кроме того, он прислуживал королю во время обеда. Именно постельничий представлял монарху тех, кто получил право на личную аудиенцию в Спальне, и, естественно, сам мог устроить подобную встречу. Через обер-камергера двора проходила значительная доля документов и прошений, требовавших персональной подписи короля. В силу особой близости к монарху обер-камергер обладал значительной автономией от лорд-камергера. Постельничий часто выполнял конфиденциальные миссии вне двора, но его административные полномочия никогда не выходили за границы Королевской спальни.

Почти с самого начала и до конца правления на должности обер-камергера двора находился Томас Эрскин, с 1606 г. виконт Фентон, а с 1619 г. граф Келли. Он воспитывался вместе с Яковом в Шотландии. Еще в 1585 г. Эрскин стал камергером Королевской спальни. Он пользовался огромным доверием короля после того, как в 1600 г. был ранен при подавлении заговора лидера шотландских ультра-протестантов Джона Ратвена, 3-го графа Гоури, за что получил треть земель заговорщика. За время службы Якову I Эрскин получил от него большое количество земельных пожалований. Должность обер-камергера позволила ему сохранить свое влияние как на короля, так и на политику на протяжении всего правления Якова I. И это несмотря на частую смену фаворитов, которые претендовали на неформальное лидерство при дворе. Особо острым было его противостояние с Бэкингемом в последние годы правления первого Стюарта. Как и многие из шотландцев, Эрскин был настроен профранцузски.

Эрскина вряд ли можно назвать королевским фаворитом в том смысле, в каком фаворитами были Карр или Бэкингем. Его отношения с Яковом I были ровными и доверительными, но не более того. Он не обладал особо выдающимися способностями и не проявлял самостоятельной политической активности, не был инициатором создания политических группировок и союзов. Но должность, которую занимал виконт Фентон, придавала ему общественно-политический вес. Поэтому с ним приходилось считаться всем придворным «партиям». Эрскин был действительно преданным слугой короля, всегда верно исполнял королевскую волю, хотя мог иметь отличное от своего господина мнение. И этим,

безусловно, он устраивал Якова I. Не случайно Яков I, очень заботившийся о своей безопасности, назначил Фентона капитаном Королевской стражи. Неоднократно именно через своего постельничего Яков I реализовывал те или иные изменения во внешней и внутренней политике. В первые годы Эрскин был связующим звеном между королем и Сесилом. Он сообщал государственному секретарю о намерениях короля и передавал королевские распоряжения, при этом и сам пытался добиться через министра улучшения своего материального положения²⁵. Позднее он сблизился с лорд-казначеем Нортгемптоном.

Другая причина политического долголетия Эрскина, возможно, кроется в том, что он напоминал Якову I о его шотландских корнях. Фентон всегда представлял и отстаивал интересы шотландцев при дворе. Он не желал ассимилироваться и превратиться в англичанина, в отличие от других шотландцев. Символом антианглийской позиции стала церемония возведения Фентона в рыцари ордена Подвязки в 1615 г. Яков I стремился представить парное возведение шотландца Эрскина и англичанина Ноуллза как проявление паритетной придворной политики. На деле церемония вылилась в персонифицированное соперничество между нациями, между старой тюдоровской аристократией и новой яковитской знатью, между Королевской спальней и остальным двором. В церемониальную свиту Фентона вошли только шотландцы и только слуги Спальни.

Фентон как бы символизировал стабильность яковитской придворной модели, в отличие от часто сменяющих друг друга королевских фаворитов. Он нередко испытывал чувства ревности и зависти по отношению к ним, поскольку и Монтгомери, и Хей, и Хоум, и Карр, и Бэкингам претендовали на неформальное первенство в Спальне и получали от Якова I несравнимо большие пожалования. С утверждением в качестве фаворита Роберта Карра Фентон на некоторое время потерял контроль над Спальней.

Как уже отмечалось, Эрскин в качестве обер-камергера первоначально способствовал вхождению Бэкингема в состав слуг Спальни, но впоследствии, напротив, стал одним из его самых серьезных противников. Так, используя свое служебное положение, в апреле 1624 г. в разгар возглавлявшейся фаворитом и принцем Карлом антииспанской кампании, Фентон устроил в Королевской спальне несколько встреч Якова I с испанскими послами. В противовес Бэкингему, Эрскин совместно с другим шотландцем из Спальни — лордом Хаддингтоном пытался предотвратить импичмент лорд-казначея Кранфилда. Видимо,

---

²⁵ CSP Dom. 1603–1610. P. 28, 39, 41, 188.

Эрскин тяготился ситуацией, когда он постоянно находился подле «фонтана чести», а все самое ценное доставалось другим. Неоднократно Фентон пытался интриговать с возможностью оставления поста обер-камергера²⁶, но всякий раз менял свое решение.

Для англичан Эрскин являлся типичным шотландцем, воплощением этнического стереотипа: от слепого следования французской моде до бытовой нечистоплотности. По мнению леди Клиффорд, Томас Эрскин, в комнате которого было слишком много вшей, олицетворял новый стиль королевского двора²⁷.

Постельничий был старшим среди всех камергеров двора. Он руководил штатом слуг Королевской спальни. Среди слуг Спальни существовало определенное распределение обязанностей. Камергеры-спальники выполняли, в основном, представительские и церемониальные функции, составляя постоянную свиту короля. Они были помощниками обер-камергера, могли замещать его. Камергеры попеременно дежурили в спальне короля, обязательно сопровождали его во время поездок, участвовали в церемониальном облачении государя. Когда король обедал в Спальне, камергеры выполняли функции стольников. Обычно они назначались из числа знатной молодежи рыцарского достоинства. Многие из них были друзьями и компаньонами Якова I и получили свои посты за прежние заслуги и (или) ввиду высокого социального положения среди шотландской знати.

В первые годы правления один из камергеров Спальни Джордж Хоум, с 1605 г. граф Данбар, был главным «политическим фаворитом» короля, его ведущим советником. Через Хоума, который одновременно был казначеем Шотландии, Яков I контролировал шотландские дела и продвигал программу англо-шотландской унии. В 1607 г. после ее провала в парламенте Хоум возглавил комиссию по управлению пограничными территориями с юрисдикцией в том числе и над английскими землями. В 1608 г. он стал кавалером ордена Подвязки. Хоум внезапно умер в Уайтхолле в начале 1612 г. Позднее распространялись слухи о его отравлении Сесилом, с которым у него были напряженные отношения.

Камер-юнкеры, или грумы Королевской спальни (**grooms of the Bedchamber**), во время дежурства готовили королевскую постель, следили за сохранностью и качеством постельного белья, участвовали в церемонии королевского облачения. Ночью двое из них должны были спать на тюфяке в комнате, соседней с Королевской спальней (*withdrawing chamber*). В знак королевского расположения к гостю и подтверждения его высокого достоинства камер-юнкеры могли сопровождать при дворе

---

²⁶ The Letters of John Chamberlain... Vol. 2. P. 535.

²⁷ The Diaries of Lady Anne Clifford / Ed. by D.J.H. Clifford. London, 1991. P. 22.

знатных персон во время проведения торжественных церемоний, театральных представлений, балов и маскарадов. Несмотря на то что камер-юнкеры по статусу были ниже, чем камергеры, они имели не меньше, а может, и больше возможностей для участия в системе придворного патронажа, так как их лакейские обязанности требовали постоянного присутствия при короле, в отличие от старших слуг Спальни. Камергеры выполняли более значимые и ответственные, но единовременные королевские задания, а камер-юнкеры — повседневные и рядовые, но более частые и регулярные. Почти все группы Спальни Якова I неоднократно упоминаются в календарях государственных бумаг в качестве посредников в прохождении различных прошений на имя короля и министров. Их близость к монарху позволяла получать хотя и не столь впечатляющие, но многочисленные земельные и денежные пожалования, а также различные привилегии вне двора.

Камер-пажи Королевской спальни выполняли в основном хозяйственные обязанности, прибирая и обслуживая королевскую опочивальню, поддерживая в ней порядок. Например, они разводили и поддерживали огонь в королевских покоях, отвечали за стирку постельного белья. Кроме того, они обслуживали постельничего и камергеров Спальни, нередко спавших в спальне короля или поблизости с ней. Камер-пажи в качестве королевской свиты также участвовали в церемониях и празднествах, сопровождая членов королевской семьи и знатных дам.

Интересно, что группы и пажи — это не обязательно юноши, некоторые из них служили королю по 10–15 лет и больше. Например, шотландец Джон Карс служил камер-пажом в 1603–1616 гг., притом, что еще в 1591 г. он упоминается как один из слуг Королевской палаты Якова в Шотландии²⁸. Статус камер-пажа был менее престижным и более неоднозначным, чем положение других слуг Спальни. С одной стороны, они выполняли обязанности обыкновенной прислуги, ими могли быть обыкновенные личные слуги высших придворных²⁹. С другой стороны, в силу своей близости к монарху они рассматривались как важные придворные персоны. Когда в 1617 г. Александр Фостер получил должность бейлифа в Гламорганшире, король и Совет обратились к местному шерифу с письменным предписанием обеспечить выполнение этого пожалования, поскольку «этот джентльмен являлся настолько близким слугой Его Величества, одним из пажей Спальни, что (он) достоин пользоваться преимуществом от королевского расположения»³⁰. Характерен

²⁸ *Cuddy N.* The Revival of the Entourage... P. 191.

²⁹ Адам Хилл, один из пажей ок. 1617 г. ранее был парикмахером графа Монтоммери (*The Letters of John Chamberlain...* Vol. 2. P. 79).

³⁰ Цит. по: *Cuddy N.* The Revival of the Entourage... P. 191.

разрыв в жаловании между слугами «спальни»: в 1605–1606 гг. камергеры получали 200 фунтов в год, камер-юнкеры 100 фунтов, а пажи только 13 фунтов, 6 шиллингов и 8 пенсов³¹. Только близость к монарху и право свободного доступа в Спальню не давали камер-пажам опуститься до положения рядовых слуг.

Одним из способов контроля слуг Спальни над государственными и придворными структурами стала практика совмещения постов. Многие камергеры и камер-юнкеры Спальни получали прибыльные должности и нередко руководили другими субдепартаментами. Через своих слуг Яков I получал доступ к различным финансовым источникам и административным рычагам королевства и проводил выгодную ему политику. Например, тот же Джордж Хоум был хранителем личной королевской казны, заместителем лорд-казначея и возглавлял Большой и Малый королевские гардеробы, то есть контролировал средства, отпускаемые на снаряжение (livery) почти всех придворных слуг и чиновников центральных ведомств.

Таким образом, на штате Королевской спальни лежала основная часть забот о повседневном обслуживании короля, он составлял его ближайшее окружение и постоянную свиту. Королевские спальники одновременно являлись и слугами, и друзьями, и охранниками, и фаворитами государя. В начале XVII в. им удалось отодвинуть на второй план членов других субдепартаментов Королевской палаты, стать личной опорой власти короля.

По сравнению с елизаветинским периодом резко снизилось значение слуг Личной палаты (Privy Chamber). В тюдоровский период это была ведущая служба двора. В 1632 г. камергеры Личной палаты короля подали Карлу I петицию, в которой жаловались на то, что после 1603 г. их положение сильно изменилось, в то время как до этого момента они имели самый близкий доступ к королеве³². При Якове I Стюарте эти слуги были фактически лишены того исключительного положения при дворе и той близости к монарху, которыми они обладали при Тюдорах. Они перешли под контроль и юрисдикцию лорд-камергера палаты, а их обязанности по обслуживанию повседневной жизни монарха были переданы слугам Королевской спальни. Естественно, что вместе с этим они потеряли былое политико-административное влияние. За слугами Личной палаты остались почти исключительно церемониальные функции³³. Особенно это стало заметно при Карле I, когда

---

³¹ Historical Manuscripts Commission Reports. Calendar of the Manuscripts of the... Marquis of Salisbury / Ed. by M. S. Giuseppi. London, 1930–1976. Vol. 24 (далее — Salisbury Papers). P. 63–64.

³² Cuddy N. The Revival of the Entourage... P. 183.

³³ Об участии в приеме послов см.: Finetti Philoxenis... P. 28.

джентри отказывались занимать должности в Личной палате, мотивируя это тем, что они не обеспечивали доступ к монарху³⁴. Нередко слуг Личной палаты использовали в качестве дипломатических курьеров, отправляемых на континент³⁵.

Первоначально слуги Личной палаты встретили Якова I с надеждами сохранить то высокое положение, которым они обладали при елизаветинском дворе. Многие из них последовали в Шотландию, чтобы присягнуть Стюарту еще на его пути в Лондон и закрепиться в его свите. Поначалу Яков I поддерживал надежды елизаветинских слуг, благосклонно принимал их клятвы верности и возводил их в рыцарское достоинство³⁶. Но вскоре Яков I обнаружил свои истинные намерения в отношении слуг елизаветинской Личной палаты: по прибытии в Тауэр 11–13 мая 1603 г. он резко увеличил ее штат и ввел в нее всех исключенных из Спальни англичан и двадцать маловлиятельных шотландцев.

Реорганизованная яковитская Личная палата была устроена на паритетной основе как символ будущей англо-шотландской унии. В ее состав в качестве камергеров входили 24 шотландца и 24 англичанина. Они дежурили по 12 человек в течение трех месяцев, по 6 человек от каждой нации. Помимо них в штат вошли 4 камергера-привратника и 12 камер-юнкеров. В июне 1610 г., чтобы продемонстрировать парламенту желание короля сократить расходы двора, штат камергеров Личной палаты был сокращен до 32 человек, но вскоре снова увеличен. В 1625 г. на похоронах Якова I присутствовало 70 камергеров Личной палаты.

Обычно в Личной палате дворца проходили аудиенции с министрами, послами и другими официальными лицами, а также полуофициальные обеды, которые любил устраивать Яков I. Ее пространство стало промежуточным звеном между закрытой Королевской спальней и остальным двором, «внешними» палатами, где монарх предстал перед подданными.

В штат Личной палаты входили камергеры-привратники (*gentlemen ushers of the Privy Chamber*), камер-юнкеры (*grooms of the Privy*

---

³⁴ *Asch R. G. Der Hof Karls von England: Politik, Provinz, und Patronage, 1625–1640. Köln, 1994. P. 128.*

³⁵ *Acts of the Privy Council of England. Vol. 6. June 1623–March 1625. London, 1933. P. 324, 454.*

³⁶ Например, камергер Джон Феррерз был посвящен в рыцари в мае 1603 г. по прибытии короля в Теобальдс, а другой камергер Юстиниан Луэр — в апреле 1604 г. накануне торжественного въезда Якова I в Лондон. — См.: *The Progresses... Vol. 1. P. 112, 323.*

Chamber) и действительные камергеры, или камердинеры (*gentlemens in ordinary*). Всего в разное время насчитывалось от 18 до 40 штатных и около 200 внештатных, или экстраординарных, камергеров (*extraordinary gentlemen*). Все вышеперечисленные слуги выполняли свои обязанности поквартально, то есть в течение трех месяцев в году. Их обязанности не были четко определены и не являлись обременительными. Во время своей смены они должны были присутствовать в палате и прислуживать находящимся в ней персонам. В штат Личной палаты также входил королевский цирюльник (*king's barber*).

Камергеры-привратники имели некоторые распорядительные полномочия на территории дворца, поскольку распределяли комнаты среди придворных слуг и присутствующих. Они следили за тем, чтобы имущество, находящееся в этих комнатах, не разворовывалось и не портилось. Судя еще по ордонансу 1526 г., это было серьезной проблемой для двора³⁷. Комнаты разрешалось предоставлять только постоянным слугам двора, которые не могли самовольно покинуть двор, прихватив что-либо с собой, а также тем, кто получал придворное содержание, из которого можно было бы возместить нанесенный «материальный ущерб» помещениям королевского дворца. Привратники отвечали за размещение придворных во время королевских путешествий. Они помогали местным властям правильно организовать встречу короля. Им предписывалось исследовать все дома и имения, в которых предполагалось остановиться, известить об этом их хозяев и убедиться, что эти помещения пригодны для приема короля и его свиты. Если намеченные места остановок не соответствовали определенным требованиям, камергеры-привратники даже могли изменить маршрут следования королевского кортежа. О результатах исследования они докладывали лорд-камергеру³⁸.

Тем не менее, статус камергеров-привратников был недостаточно высок, чтобы осуществлять властные полномочия за пределами двора³⁹. Шотландца Джона Драммонда летом 1609 г. во время очередного королевского путешествия послали в Саутгемптон с предписанием набрать 24 человека для охраны короля на несколько дней, пока он будет пребывать в резиденции неподалеку от города. Но горожане засомневались в подлинности этого распоряжения, так как его принес всего лишь

---

³⁷ EHD. Vol. 5. P. 513.

³⁸ В 1614 г. подобная инструкция была адресована привратникам Рису Робертсу и Джеффри Кину. — См.: *The Progresses...* Vol. 3. P. 11–12.

³⁹ Большинство англичан — камергеров-привратников были выходцами из провинциальных семейств, проживавших в прилегающих к Лондону графствах, среди них были в прошлом и будущем шерифы, а также будущие баронеты (*The Progresses...* Vol. 1. P. 206–210).

«обычный камергер-привратник двора». Только после того как выданное ему предписание подтвердили высшие слуги двора, охрана для короля была выделена⁴⁰.

Остальные должности Личной палаты носили, скорее всего, почетный и формальный характер, без выполнения каких-либо определенных обязанностей. Единственная привилегия, связанная с этими должностями, — это право присутствовать на территории дворца и участвовать во встречах иностранных послов и придворных развлечениях. Например, об одном из камер-юнкеров, шотландце Аберкромми, современники отзывались как о «dancing courtier»⁴¹. Лидеры придворных группировок, королевские фавориты (например, Сесил и Бэкингем), хоть и в меньшей степени, чем в Королевскую спальню, но стремились продвинуть в Личную палату своих клиентов⁴².

Таким образом, во время правления Якова I Стюарта субдепартамент Личной палаты утратил существенные социальные и политические функции не только как политико-административный, но и как придворный институт. Одним из показателей этого процесса стал рост числа штатных и внештатных слуг. Их деятельность строго ограничивалась пределами Личной палаты дворца.

По сравнению со слугами Личной палаты в раннестюартовскую эпоху слуги Присутственной палаты (Present Chamber) или «королевской столовой» (Dyning Chamber или просто Chamber) получили более привилегированное положение.

В штат Присутственной палаты входили виночерпии (cupbearers), разливавшие вино и разносившие кубки. Гостям за столом прислуживали стольники (sewers of the Chamber). Они накрывали на столы, рассаживали присутствующих, ставили и убрали блюда во время трапезы. Обычно каждый стольник заведовал подачей определенных блюд. Среди стольников выделялись форшнейдеры (carvers), которые должны были разделять мясо (to carve — резать) и подавать его присутствующим. Во время обеда стольниками руководили кравчие, или тафельдеккеры (sewers). Они также следили за приготовлением блюд и сервировкой стола, чтобы предотвратить расхищение продуктов⁴³. Как правило, посты стольников занимали выходцы из джентри.

Выгодное положение стольников заключалось в том, что Яков I часто использовал Присутственную палату для проведения полуофициальных

⁴⁰ The Progresses... Vol. 2. P. 263–264.

⁴¹ The Letters of John Chamberlain... Vol. 2. P. 69.

⁴² Peck L. L. Court Patronage and Corruption in Early Stuart England. London, 1990. P. 86.

⁴³ EHD. Vol. 5. P. 511.

обедов «в шотландско-французском стиле, от которых он получал большое удовольствие»⁴⁴. Более того, Яков I привлекал слуг к застольным беседам, давая им возможность высказать «свое мнение». Неудивительно, что некоторые из стольников и виночерпиев смогли обратить на себя внимание короля, а впоследствии и завоевать его расположение. Из числа слуг Присутственной палаты вышли очень влиятельные придворные и государственные лица. Например, Джордж Вилльерс, будущий герцог Бэкингем, был королевским виночерпием. Королевским форшнейдером начинал свою карьеру Джон Дигби, позднее граф Бристол и вице-камергер двора.

У дверей королевской столовой дежурили камергеры-привратники (*gentlemen ushers*). Многие из них сохранили свои места при новом дворе и присягнули Якову I еще 17 апреля 1603 г. в Йорке⁴⁵. В обязанности некоторых джентльменов-ашеров входило составление ежедневных отчетов о количестве потребленного во время придворных обедов хлеба, вина, эля. Эти отчеты предоставлялись в Счетную палату Королевского хаусхолда.

В целом, Присутственная палата использовалась для проведения официальных придворных обедов и была местом явления монарха своим подданным. Доступ в нее был разрешен практически всем приглашенным ко двору. Толпа придворных заполняла приемный зал в ожидании выхода монарха. Поэтому Присутственная палата являлась одним из ключевых мест королевской резиденции. Она всегда планировалась при строительстве тюдоровских, а впоследствии стюартовских дворцов. Тем не менее, ее роль была несравненно ниже роли Королевской спальни. Для Якова I безусловными центрами придворной жизни были Королевская спальня и загородные охотничьи дворцы. В 1605 г. один из придворных заметил, что приемная палата является «просто проходом, который используют в государственных делах немногим более, чем дорогу между двором и Ройстоном» (охотничьей резиденцией короля)⁴⁶. При Якове I Личная и Присутственная палаты двора стали своеобразной границей для английской знати. В 1621 г. король заявил английским лордам, что «для них существует [только] Присутственная и Личная палата»⁴⁷.

Во дворце существовала также Большая палата (*Great Chamber*). Она использовалась для проведения театральных представлений, маскарадов и других придворных увеселений. В ее штат входил королевский придворный распорядитель (*groom porter*). Он руководил организацией

---

⁴⁴ *Cuddy N. The Revival of the Entourage...* P. 184.

⁴⁵ *The Progresses...* Vol. 1. P. 82.

⁴⁶ Цит по: *Cuddy N. The Revival of the Entourage...* P. 183.

⁴⁷ Цит по: *Ibid.* P. 111.

игр и других развлечений при дворе. Для этого он носил при себе карты и игральные кости. Придворный распорядитель был авторитетом в разрешении спорных вопросов, возникавших во время игр. Кроме того, он следил за подготовлением Большой палаты к подобным мероприятиям и к церемониям⁴⁸.

В состав субдепартамента входили камер-юнкеры и камер-пажи Большой палаты (**grooms and pages of the great chamber**). Они не имели определенных обязанностей, лишь присутствовали в палате и принимали участие в играх и развлечениях. В дверях Большой палаты находились привратники в ранге йоменов, чей статус не позволял прислуживать в более близких к королю апартаментах дворца.

Слуги в ранге йоменов остались в периферийных службах королевской палаты, а также в хозяйственных службах двора. На протяжении XVI в. йомены были постепенно вытеснены из королевского окружения более почетными рангами джентльменов-грумов. Как и в социальной иерархии, йоменом считался человек, *самостоятельно* ведущий личное хозяйство, так и на придворной лестнице йомен занимал пограничное положение среди королевских слуг, поскольку ему не разрешалось иметь собственную прислугу и заместителей, в отличие от джентльменов и других вышестоящих придворных рангов⁴⁹.

К концу XVI–началу XVII в. требование соответствия наименования должности и социального статуса лица, ее занимавшего, почти исчезло. Должностная номенклатура хаусхолда лишь устанавливала административную иерархию, ранжирование внутри департаментов. В XVII в. на первое место выходит не социальное обозначение, а реальное положение должности в придворной структуре. Выходцы из знати, дворянства, джентри стремились занять «неблагородные» должности йоменов, грумов, и наоборот: джентльменами двора оказывались отнюдь не титулованные дворяне, а представители средних слоев, которые, получив титул, не всегда стремились освободиться от «лакейской» должности.

Традиционно одной из важнейших функций двора являлось обеспечение безопасности монарха. Эта задача актуализировалась во время конфликтов между королем и знатью, приводивших иногда к военным столкновениям, а также во время войн. В эти моменты двор превращался

---

⁴⁸ В 1605 г. отец и сын Корнуоллис получили патент на пост придворного распорядителя с условием отказа от прежних патентов и должностей, что говорит о достаточно высоком статусе должности (CSP Dom. 1603–1610. P. 205).

⁴⁹ Например, при церемонии погребения принца Генри йоменам разрешили получить материал на траурные одежды только для себя, а джентльменам и эсквайрам выдали дополнительный материал на слуг (The Progresses... Vol. 2. P. 496).

в полувоенную организацию, члены которой были обязаны носить оружие и быть готовыми в любой момент отразить нападение неприятеля и защитить короля. Во время военных кампаний двор становился ядром королевского войска⁵⁰. Военные службы двора прошли длительную эволюцию на протяжении средневековья и раннего Нового времени. В XVI–начале XVII в. функция по обеспечению безопасности двора несколько трансформировалась. Основной задачей его военных служб стало не активное участие в военных действиях и защита короля на поле боя, а охрана короля от возможных посягательств на его жизнь со стороны заговорщиков и ограничение доступа подданных к монарху. Военные слуги двора должны были охранять границы двора и поддерживать мир и порядок внутри него.

Наиболее престижной военной службой двора была Королевская гвардия (The Band of gentlemen pensioners). Она была создана Тюдорами по образцу гвардейцев Франциска I. Великолепие последних восхитило в свое время английского короля, который решил создать собственную охрану из знати. Впервые «*chambellans pensionnaires*» из высшей знати появились при бургундском дворе⁵¹.

В состав английской Королевской гвардии входило 50 человек. Ее возглавляли капитан и лейтенант. Особое место занимали знаменосец (*standardbearer*), секретарь (*clerk of the Chequer*), который хранил список всех допущенных ко двору (*chequer*), и квартирмейстер гвардейцев (*gentleman harbinger*). Многие знатные фамилии стремились получить места гвардейцев для своих отпрысков, так что даже пришлось создать своего рода дополнительную группу из *gentlemen-at-arms*⁵². Места в Королевской гвардии предоставлялись пожизненными патентами и иногда, по королевскому соизволению, передавались по наследству. При этом Королевская гвардия как охранная структура двора едва ли могла реально обеспечить безопасность монарха.

Популярность гвардейской службы среди английской знати объясняется несколькими моментами. Во-первых, королевские гвардейцы входили в постоянный штат (*ordinary*) Королевской палаты и получали таким образом свободный доступ ко двору и лично к монарху. Во-вторых, их служба была необременительна. Они не были обязаны постоянно

---

⁵⁰ *Prestwich M.* Armies and Warfare in the Middle Ages. New Haven, 1996. P. 38–41.

⁵¹ *Paravicini W.* The Court of the Dukes of Burgundy: A Model for Europe? // *Princes, Patronage and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age, c.1450–1650* / Ed. by R. G. Asch, A. M. Birke. Oxford, 1991. P. 79.

⁵² *Elton G. R.* Reform and Reformation England, 1509–1538. Cambridge, 1977. P. 382–385.

находиться при дворе, а только по специальным случаям или во время квартального дежурства по 10–12 человек в смену, выполняя при этом сугубо церемониальные функции. В основном их использовали в качестве почетного эскорта и торжественной столовой прислуги⁵³. В-третьих, гвардейцы получали стабильное жалование, содержание и размещение при дворе. Средства на содержание Королевской гвардии всегда выделялись особой строкой в королевских расходах. Наконец, это было чрезвычайно почетное и престижное место, которое давало возможность аристократической молодежи успешно начать или продолжить придворную и государственную карьеру. Последнее обстоятельство особенно подчеркивал лорд Ханздон, капитан Королевской гвардии Елизаветы, в своем письме к новому королю. Ханздон просил сохранить за ним руководство гвардейцами и информировал Якова I об этом придворном институте⁵⁴.

В письме лорд Ханздон подчеркивает, что все гвардейцы выбирались из самых лучших и древних английских фамилий. Главными основаниями для включения в Королевскую гвардию ее капитан называет достоинство, достаток, честь и чистоту крови. Ханздон обращает внимание нового монарха на то, что его предшественники рассматривали гвардейцев не только как охрану, но и как «питомник» для воспитания «наместников Ирландии, послов... военачальников...», поэтому они часто использовались «как в гражданских, так и в военных» делах⁵⁵. В глазах тюдоровской знати Королевская гвардия являлась гарантом сохранения и преемственности аристократических традиций и ценностей при королевском дворе, одним из механизмов привлечения выходцев из благородного сословия к государственному управлению.

Пользуясь своими привилегиями, гвардейцы пытались играть достаточно активную роль в политической и придворной борьбе. Гвардия стала тем местом, куда лидеры придворных группировок стремились протолкнуть своих сторонников, родственников и клиентов. В силу этого состав гвардии всегда был неоднороден. Она никогда не выступала как единое целое.

Придворное положение гвардейцев заметно изменилось с восшествием на престол Якова I Стюарта. Возможно, Яков I быстро осознал

⁵³ В 1606 г. гвардейцы сопровождали Якова I и его гостя датского короля Христиана IV во время их торжественного въезда в Лондон. По словам очевидцев, гвардейцы являли собой «самое достойное и грандиозное зрелище (show), настолько богаты были облачения как людей, так и лошадей» (The Progresses... Vol. 2. P. 66).

⁵⁴ The Progresses... Vol. 1. P. 125–126.

⁵⁵ Ibid.

социальное значение Королевской гвардии. Отношение короля к гвардии было тесно связано с его общей политикой по отношению к английской аристократии. Яков I Стюарт стремился ослабить влияние тюдоровской аристократии на государственное управление за счет лишения ее властных привилегий, размывая социальный состав английского дворянства.

Подобным же образом Яков I старался сократить значение Королевской гвардии. Гвардия окончательно потеряла контроль над доступом ко двору, когда из ее штата был выведен секретарь, ведущий список всех лиц, допущенных ко двору. Также в состав гвардии были включены представители незнатных английских семей, стремившихся к аноблированию и вряд ли соответствовавших требованиям, которые предъявлял лорд Ханздон⁵⁶.

Джон Хоулз, бывший гвардеец и неудачливый претендент на многие придворные посты, сокрушался, что во время правления Якова I королевские гвардейцы потеряли «многое от прежнего достоинства». Прежде всего, по мнению Хоулза, это связано с их имущественным измельчением. Когда он был гвардейцем Елизаветы, то «считался самым бедным из них, хотя все знали, что он унаследовал 4000 фунтов»⁵⁷. Если при Тюдорах благосостояние большинства гвардейцев не зависело от их придворного жалования, то при Якове I многие из них уже мало чем отличались от слуг, находившихся на придворном содержании и зависевших от финансового благополучия двора⁵⁸. Кроме того, половину штата Королевской гвардии постепенно по мере возникновения вакансий стали составлять шотландцы, хотя капитаном гвардии продолжал оставаться англичанин⁵⁹. Скорее всего, это была просто уступка нового короля в соответствии с принципом равного представительства наций, поскольку во главе другой военной службы — Королевской стражи был поставлен шотландец.

Несмотря на просьбу Ханздона, Яков I не сохранил за ним поста капитана Королевской гвардии. Им был назначен Генри Перси, лорд Нортумберленд, который получил приказ взять у гвардейцев клятву о супрематии⁶⁰. Нортумберленд был католиком и надеялся на смягчение антикатолических законов с приходом к власти Якова I. Первоначально

---

⁵⁶ В 1617 г. из 25 гвардейцев, взятых Яковом I в Шотландию, 15 были посвящены в рыцари, из них только двоих или троих можно отнести к известным английским фамилиям (The Progresses... Vol. 3. P. 367).

⁵⁷ См.: Holles G. Memorials of the Holles Family, 1493–1656. London, 1937.

⁵⁸ В 1610 г. жалование и придворное содержание гвардейцев было увеличено на 6000 ф. (CSP Dom. 1603–1610. P. 655).

⁵⁹ Cuddy N. The Revival of the Entourage... P. 181.

⁶⁰ CSP Dom. 1603–1610. P. 9.

новый король своими действиями подпитывал эти надежды, включив опального при Елизавете Нортумберленда в Тайный совет и назначив его на почетный пост капитана гвардии. Некоторые другие знатные католики также получили придворные и государственные посты. Но, скорее всего, это диктовалось не религиозными предпочтениями нового короля, а политической стратегией, направленной на ослабление влияния елизаветинцев. Надежды католиков на нового короля не сбылись, что вызвало «Пороховой заговор», активным участником которого стал граф Нортумберленд. Одним из пунктов обвинения был тот факт, что Нортумберленд принял в штат гвардии своего родственника католика Томаса Перси без принесения им присяги о супрематии. Именно его Нортумберленд послышал весной 1603 г. на встречу с Яковом I, чтобы заручиться обещанием короля проявлять толерантность по отношению к католикам. По мнению следствия, Томас Перси еще до включения в Королевскую гвардию начал составлять заговор, впоследствии сделал из своего поста прикрытие для заговорщиков, что не могло не сказаться на общем снижении авторитета Королевской гвардии.

В 1605 г. должность капитана была передана Томасу Говарду, графу Саффолку, лорд-камергеру Палаты (занимал пост до 1614 г.). Поскольку Саффолк возглавлял Королевскую палату и вел активную общественно-политическую деятельность, он не уделял руководству гвардии достаточного внимания.

Действительную безопасность двора должна была обеспечивать Королевская стража (the King's Guard или the Guard of the Body of our Lord the King's).

Обычно каждый новый монарх назначал новую охрану из своих сторонников, которые выполняли функции королевских телохранителей. Только при Генрихе VII Королевская стража стала постоянной военной службой двора. В момент коронации Генриха VIII в ней насчитывалось 126 стражников, а при Елизавете Тюдор уже 200. При Стюартах сохранилась численность в 200 стражников.

Возглавляли Королевскую стражу капитан и несколько лейтенантов. Пост капитана Королевской стражи считался одним из ключевых при дворе. При Стюартах пост капитана был совмещен с должностью обер-камергера Королевской спальни (постельничего). Как правило, капитаном стражи назначался один из королевских фаворитов. Например, знаменитый Уолтер Рэли был капитаном стражи при дворе Елизаветы, а Томас Эрскин — при Якове I.

В 1617 г. пост капитана стражи стал причиной конфликта между одним из королевских фаворитов Генри Ричем и графом Солсбери, сыном Роберта Сесиля. К тому времени внутреннее напряжение при

дворе спало. Эрскин хотел перевести должность капитана в денежный капитал. По слухам, Рич предлагал Фентону за данный пост 2500 или 5000 фунтов, а граф Солсбери — 6000⁶¹. Решить спор должен был король. Наблюдатели считали, что должность достанется Солсбери, поскольку на его стороне был Бэкингам, но на стороне Рича была традиция, согласно которой пост капитана стражи принадлежал лицу с достоинством не выше рыцаря. Именно поэтому, как уверял Фентон, он отказывается от должности, так как она «не соответствует его достоинству»⁶². Друзья Солсбери пытались отговорить его от претензий на пост капитана, но желание графа закрепиться при дворе было весьма велико. Яков I все же решил спор в пользу Рича.

Генри Рич был младшим сыном Роберта Рича, первого графа Уорика. Его прекрасные манеры и приятный внешний вид привлекли внимание Якова I. Расположение короля было выражено как в деньгах, так и в организации успешной служебной карьеры Рича. Он был назначен камергером Спальни принца Карла, а в ноябре 1617 г. стал капитаном Королевской стражи. В 1623 г. Рич получил титул барона Кенсингтона. В 1624 г. он участвовал в переговорах во Франции о браке Карла и Генриетты Марии, а в сентябре 1624 г. при помощи Бэкингема получил титул графа Холленда. В это время функции капитана стражи были вновь переданы шотландцу Эрскину, поскольку обстановка при дворе вновь обострилась.

Стражники имели широкий круг обязанностей. Они постоянно сопровождали короля и должны были обеспечить его безопасность всюду. Главная обязанность Королевской стражи — охрана территории двора. Стражники дежурили в воротах при въезде на территорию королевского дворца, в его комнатах, дверях и переходах и вокруг него. После «Порохового заговора» 1605 г. в их обязанности вошел осмотр подвалов парламента во время его заседаний. Они должны были задерживать всех подозрительных и выпроваживать всех непрошенных гостей. Кроме офицеров и стражников, в состав Королевской стражи входили знаменосец и хранитель списка всех придворных слуг и допущенных ко двору (*clerk of the cheque or chequer roll*). Своим присутствием стражники обозначали внешние границы двора, охраняя его ворота и двенадцатимильную зону, а также открывая и замыкая церемониальные шествия, отделяя, таким образом, придворное сообщество и пространство от окружающего мира. Во дворце Королевская стража имела свою дежурную комнату (*guard chamber*).

---

⁶¹ CSP Dom. 1611–1618. P. 441, 494; The Letters of John Chamberlain... Vol. 2. P. 58–59.

⁶² The Letters of John Chamberlain... Vol. 2. P. 58–59.

200 королевских стражников едва ли могли отразить нападение отряда восставших. Их задача состояла в другом — предотвратить возможные индивидуальные акты насилия или действия небольших групп заговорщиков, направленные против государя, и, прежде всего, не допускать проникновения во дворец посторонних. Судя по тому, что в тюдоровских и стюартовских придворных ордонасах и регламентах многократно высказывалось недовольство большим количеством попрошаек, нищих и просто посторонних лиц при дворе, с последней задачей Королевская стража справлялась недостаточно хорошо.

Еще одной военной структурой двора являлась небольшая группа королевских жандармов (*sergeant-at-arms*). Она включала около 20 человек рыцарского звания. Они составляли старейшую военизированную службу двора. Королевские жандармы упоминаются еще в ординасе 1279 г. С конца средневековья они выполняли чисто полицейские функции. Королевские жандармы должны присутствовать при дворе во время приемов⁶³, балов, спектаклей и т. п. для того, чтобы в любой момент быть готовыми арестовать возможных изменников и других благородных преступников, чего не позволял сделать статус королевских стражников. Символом их власти была булава. Они участвовали в арестах и сопровождении обвиняемых ко двору и на суд Звездной палаты. Интересно, что они получали плату с арестантов за конвоирование.

Кроме самих военных ведомств, в состав хаусхолда входили специальные службы и мастера по изготовлению, ремонту и хранению вооружения. Например, королевский оружейник (*gunmaker*) хранил королевские мушкеты. Был также хранитель луков (*bowbearer*).

Наряду с выделением Королевской спальни в отдельный субдепартамент, важным структурным новшеством, введенным Яковом I при дворе, стало создание экспедиции церемониальных дел. Ее создание ограничило влияние Сесила на осуществление внешнеполитической деятельности.

Экспедиция церемониальных дел (*Ceremonies*) была создана для регулирования придворного церемониала, а также для организации контактов английского двора с иностранными представителями и гостями. Начало организации ведомства было положено учреждением 25 мая 1603 г. должности обер-церемониймейстера двора (*master of the Ceremonies*), на которую был назначен Льюис Льюкнер. Чуть позже были назначены два помощника (*assistant master*), которые выполняли поручения главы экспедиции и были его заместителями. Также в штат входил

⁶³ В 1606 г. во встрече короля Дании участвовало 9 жандармов (*The Progresses...Vol. 2. P. 66*).

маршал-церемоний двора (*marshal of the Ceremonies*), который непосредственно отвечал за порядок во время церемоний.

Пост обер-церемониймейстера стал одним из ключевых при стюартовском дворе, о чем в частности свидетельствует его достаточно высокое по придворным меркам жалование в 200 фунтов в год⁶⁴. С этого момента все официальные контакты иностранных представителей с королем, его министрами и Тайным советом должны были осуществляться через обер-церемониймейстера и его помощников.

Должность была заимствована из дипломатической практики континентальной Европы. Пост *magistri ceremoniarum* впервые появился при папском дворе в XV в. Во Франции должность церемониймейстера двора была введена в 1585 г. Генрихом III, откуда и была заимствована Яковом I. До этого времени при Елизавете для встречи и сопровождения иностранных гостей высокого ранга отряжался один из королевских гвардейцев или кто-то из высших придворных слуг. Яков I отгеснил гвардейцев и советников от участия в приеме дипломатических представителей, оставив за лорд-камергером координационные функции. В добавление к этому Яков I принес с собой некоторые элементы французского церемониала, действовавшего в Шотландии, изменил прохладное отношение к дипломатам, свойственное Елизавете, заметно оживил всю придворную жизнь в целом. Все это и обусловило учреждение особой церемониальной службы двора, которая была призвана своей деятельностью фактически выстраивать «новый», стюартовский церемониал. Решение, принятое церемониймейстерами по каждому спорному случаю, рассматривалось как прецедент, образец для будущего. Отсюда возникла потребность в письменной фиксации действий, совершаемых слугами экспедиции. Один из помощников обер-церемониймейстера двора Джона Финета с практической целью стал вести записи, чтобы зафиксировать складывающуюся церемониальную практику. Видимо, он вел их с ведома обер-церемониймейстера, лорд-камергера и самого Якова I, поскольку они не раз просили Финета обратиться к записям, чтобы отыскать обычай или прецедент для разрешения возникшей коллизии⁶⁵.

Обер-церемониймейстеру была поручена забота о «посетителях высокого достоинства» (*strangers of qualitie*), приехавших в Англию, которых надлежало принять «со всеми должными им почестями», развлекать их как во время пребывания в королевском дворце, так и путешествий по стране, «как это происходит во Франции и других странах»⁶⁶. Позднее

⁶⁴ *The Progresses...* Vol. 1. P. 158.

⁶⁵ *Fineti Philoxenis...* P. 49.

⁶⁶ Цит по: *Loomie A. J.* Introduction. P. 23.

в более подробном описании обязанностей обер-церемониймейстера говорилось, что он должен «всегда присутствовать при дворе со всеми своими слугами и лошадьми, себя и их надлежащим образом экипируя... чтобы развлекать и принимать тех иностранных послов, которые будут приезжать в королевство...»⁶⁷.

Для успешного выполнения своих обязанностей обер-церемониймейстеру надлежало быть всецело осведомленным о «различных рангах, достоинствах и званиях» дипломатов и в целом быть «джентльменом, хорошо владеющим языком и благоразумным»⁶⁸. В качестве символа своей власти обер-церемониймейстер носил золотую цепь с медалью, на которой были начертаны эмблемы и девизы войны и мира. Иностранцев нередко восхищал прием, который им оказывали в Англии, особенно компетентность слуг и их внешность⁶⁹.

Среди историков утвердилось ошибочное мнение о яковитском дворе как о беспорядочном и неорганизованном, куда чуть ли не любой мог свободно получить доступ. В действительности доступ ко двору, даже в королевскую палату, не означал доступа лично к королю. Те, кто не были слугами Королевской спальни, получали возможность встретиться с королем только на специальной аудиенции. Для иностранцев аудиенции устраивались экспедицией церемониальных дел, а для подданных Якова I — прежде всего при посредничестве слуг Спальни.

Придворные церемонии были способом выражения важных политических и социальных приоритетов и взаимоотношений. Тончайшие детали церемонии имели огромное значение для ее участников, так как они выражали степень почета и королевского расположения среди остро конкурирующей придворной элиты. Церемонии утверждали и демонстрировали социально-административную дифференциацию придворного общества, создавая видимую иерархию социального порядка.

Как уже было сказано, церемониальная служба была призвана поддерживать и регулировать сложившийся при английском дворе порядок следования, который устанавливал строгую иерархию различных титулов, рангов и должностей, а также регулировала взаиморасположение конкретных персон внутри них. Порядок следования закреплял социально-должностной статус отдельных представителей английской аристократии и целых групп. Кроме того, в английский порядок следования при проведении различных приемов и церемоний включались и иностранные представители, что устанавливало своего рода политическую иерархию среди европейских государств и выражало внешнеполитические

⁶⁷ *Loomie A. J.* Introduction. P. 23.

⁶⁸ *Ibid.*

⁶⁹ *The Progresses...* Vol. 2. P. 67.

приоритеты английской монархии. Этот придворный порядок базировался на принципах неравенства в соответствии со степенью доступа к монарху. Огромное значение придавалось порядку следования участников церемоний.

Яков Стюарт активно вмешивался в традиционный порядок следования, своей волей давал преимущества одним и принижал других, что также вызывало недовольство английской аристократии и иностранных послов. Учитывая то, что Яков I рассматривал порядок следования исключительно как объект королевской прерогативы, он стал в его руках эффективным инструментом как внутренней, так и внешней политики. В то же время санкционированный традицией порядок давал возможность придворным отстаивать собственное место в церемониале. Спорам из-за порядка следования посвящены многие страницы в дневнике Дж. Финета⁷⁰.

Несмотря на то что внешняя политика оставалась под контролем Сесила, все официальные контакты иностранных представителей с королем и его министрами должны были осуществляться через церемониальную службу. Церемониал санкционировал и ведомственную организацию двора. Именно в церемониях возросший статус слуг Королевской спальни получил внешнее выражение. Ее слуги во время проведения церемоний, как правило, располагались или шествовали либо непосредственно перед королем, либо сразу после него, оттесняя государственных министров, пэров Англии и слуг других департаментов двора⁷¹. Каждая комната королевского дворца включалась в церемонию приема посла. Пространство каждой комнаты имело собственный ритуал и процедуру нахождения присутствующих. Когда французский агент и советники не могли договориться, как вести переговоры в палате Тайного совета из-за споров по процедуре заседания, то в конце концов просто решили перейти в другую комнату, где было возможно «обсудить дело путем приватной дискуссии без соблюдения формальностей»⁷².

Дневники Джона Финета показывают, что при дворе сложился неофициальный канал для доступа к королю. Этим каналом стали слуги Королевской спальни, к которым, по мнению не только Финета, но и лорд-камергера Пемброка, и надлежало обращаться иностранным послам в поисках неофициальных аудиенций⁷³. Участие английских лордов и придворных слуг в дипломатическом церемониале нередко отражало

---

⁷⁰ Finetti Philoxenis... P. 9, 20–23, 115.

⁷¹ Например, появление короля в парламенте (Proceedings in Parliament, 1610 / Ed. by E. R. Foster. New Haven, 1966. Vol. 1. P. 97–98).

⁷² Finetti Philoxenis... P. 56–57.

⁷³ Ibid. P. 26, 59, 91.

их внешнеполитические пристрастия⁷⁴. Большинство шотландских слуг Спальни придерживались профранцузской ориентации и оказывали определенное давление на Якова I в связи с его планами испанского брака. Накануне креации Карла принцем Уэльским в ответ на просьбу испанского посла присутствовать на церемонии Яков I заявил, что некоторые из «слуг, близких ему», ранее уже попросили его пригласить французского посла⁷⁵. Яков I тяготился частыми спорами между послами из-за порядка следования и расположения во время приемов, поэтому предпочитал приглашать на придворные церемонии тех из них, между которыми не возникало разногласий.

Отклонение от установленного церемониального порядка рассматривалось как политически значимое действие, характеризующее изменение отношения к принимаемой стороне. Если в первые годы правления Якова Стюарта в соответствии с елизаветинской традицией церемониальное преимущество предоставлялось французскому послу, то в последующий период в связи с развитием происпанской ориентации Якова I и его окружения король настаивал на приоритете испанского посла. Испанский посол Гондомар получил почти свободный доступ к Якову I. По мнению Финета, это противоречило уже сложившемуся церемониалу и вело к беспорядку и раздорам при дворе⁷⁶.

В вопросе об организации дипломатического и придворного церемониала, как и во многих других, Яков I проявлял присущую ему непоследовательность. Отдавая предпочтение неформальным взаимоотношениям с подданными и послами, Яков I предпочитал действовать в обход им же введенного порядка, устраивая встречи через слуг Спальни (например, через слуг Спальни Хея, Монтгомери, позже — Бэкингема).

Одним из придворных ведомств был королевский гардероб. К началу XVII в. гардероб разделился на несколько независимых друг от друга служб. Большой гардероб (Great wardrobe) практически отделился от двора, так как он обеспечивал ливреями и парадными одеждами большую часть государственных служащих. В структуру департамента Королевской палаты был включен Малый, или Личный гардероб короля (Privy wardrobe of the robes). Его возглавлял хранитель мантий (gentleman of the robes). Кроме секретаря, йомена и нескольких камер-юнкеров в штат входили портные (tailors) и чистильщики (brashers). В состав

⁷⁴ Финет многократно отмечает, что многие лорды и слуги добровольно участвовали во встрече определенных послов.

⁷⁵ Finetti Philoxenis... P. 37.

⁷⁶ Обер-церемониймейстер Л. Льюкнер был отстранен от выполнения своих обязанностей, когда стало очевидно, что он отдает явное предпочтение испанскому послу (Finetti Philoxenis... P. 28, 118, 138).

«верхнего хаухолда» также входил спальный гардероб (**removing wardrobe of the beds**), который обеспечивал изготовление, хранение, чистку и стирку белья для королевской постели. Его возглавлял хранитель в звании клерка (**clerk of the wardrobe**). Ему подчинялись заместитель в ранге йомена, камер-юнкеры, камер-пажи и секретари. Интересно, что до известного придворного реформатора, купца Кранфилда, и после него королевским гардеробом руководили исключительно слуги Королевской спальни, и именно на гардероб приходится значительный процент роста королевских расходов. Большая часть этих средств тратилась на облачение короля, его семьи и ближайших слуг в соответствии с новыми придворными стандартами роскоши⁷⁷.

Важной придворной службой было ведомство строительных работ (**Works**). Оно отвечало за строительство и содержание королевских дворцов и разного рода придворных построек. Субдепартамент обладал определенной финансовой самостоятельностью, имея собственную строку в бюджете двора. Средства на содержание королевских дворцов и строительство требовались немалые. Субдепартамент отвечал за реставрацию фресок, скульптур, картин и декора королевских дворцов. Яков I увеличил расходы ведомства с 4 до 20 тыс. фунтов в год, не включая дополнительные расходы на строительство новых дворцов⁷⁸. Большая часть этих средств уходила на текущий ремонт.

Возглавлял ведомство руководитель (инспектор) строительных работ (**surveyor**). С 1615 до 1643 г. этот пост занимал талантливый архитектор и театральный постановщик Иниго Джонс. Он стремился развивать в Англии классический стиль (примером может служить построенный под его руководством Банкетхаус). Ему удалось провести относительную модернизацию королевских дворцов. Иниго Джонс также фактически взял в свои руки постановку театральных представлений и маскарадов при стюартовском дворе. Вверенный ему субдепартамент выделял на эти мероприятия значительную часть средств и материалов, например на обустройство театральной сцены. Покровителями Джонса при дворе были графы Пемброк и Эрандел.

В целом штат субдепартамента строительных работ был достаточно велик, чтобы обеспечить выполнение возложенных на него обязанностей. Главным помощником руководителя ведомства был ревизор (контролер) строительных работ (**comptroller of the works**), который надзирал за выполнением работ, их качеством и расходами придворного

---

⁷⁷ Dietz F. C. English Public Finance... P. 399–407.

⁷⁸ На строительство Банкетхауса в Уайтхолле, начатое в 1617 г., потребовалось еще 15 тыс. фунтов (*Smuts M. Court Culture and the Origins of a Royalist Tradition in Early Stuart England. Philadelphia, 1987. P. 136–137*).

ведомства. Казначей ведомства (paymaster) оплачивал расходы по строительству и выплачивал жалование слугам субдепартамента. Секретарь (clerk) также надзирал за проведением работ и отвечал за качество поставляемых для них материалов. Проектированием построек и непосредственным руководством строительства занимались придворный мастер-строитель (master mason), старший плотник (master carpenter) и старший водопроводчик (sergeant plumber). Они руководили штатом ремесленников (craftsmen) и рабочих (laboriers)⁷⁹.

Повседневная жизнь яковитского двора была разнообразна и расточительна. Частые праздники, театральные представления, игры, маскарады, балы, рыцарские турниры, королевские пиры и т. п. требовали должной организации и значительных расходов.

Организацией придворных празднеств и их материально-техническим обеспечением заведовала служба королевских развлечений (увеселений) (office of the revels; revel — пирушка, веселье). Штат придворной службы увеселений был невелик и состоял из главного секретаря, клерка-контролера, йомена — заместителя руководителя субдепартамента и камер-юнкера. Его слуги обеспечивали костюмы, реквизит, декорации, нанимали для постановок лондонские труппы⁸⁰.

Определенную роль в организации королевских развлечений играла придворная служба по установке летних палаток (tents). При Якове I в ее состав входили: распорядитель (master of the tents), несколько секретарей, инспектор, 4 йомена и камер-юнкер. В обязанности этой группы королевских слуг входило попечение над палатками, павильонами и другим реквизитом, который использовался во время королевских путешествий, загородных прогулок, охоты, фестивалей. Субдепартамент был одним из старейших при дворе, поскольку походы, путешествия являлись неотъемлемой частью функционирования средневекового хаусхолда⁸¹. В XVI–XVII вв. слуги субдепартамента также заботились о палатках, находившихся близ Уайтхолла или других королевских резиденций, когда в них располагался двор. В этих палатках проживали низшие слуги хаусхолда, а также те, кто приезжал ко двору.

Тюдоры и Стюарты были известными любителями музыки и неплохими музыкантами. Для королевских развлечений при дворе существовал большой штат музыкантов: трубачи, волынщики, менестрели и пр.⁸² Кроме того, при дворе находились специальные мастера для производства

⁷⁹ Подробнее об истории Works в XVI–XVII вв. см.: The History of the King's Works. Vol. 3. Part I: 1485–1660 / Ed. by H. M. Colvin. London, 1975.

⁸⁰ Smuts M. Court Culture... P. 129, 137.

⁸¹ Hall H. The Court Life under the Plantagenets. London, 1890. P. 249.

⁸² Loades D. The Tudor Court. P. 109.

и хранения музыкальных инструментов (instrument makers, organ keeper). Всего на содержание музыкантов расходовалось более 1000 фунтов в год⁸³.

Английские монархи были ценителями театральных представлений. Почти все члены королевской семьи содержали собственные театральные труппы (**king's players**). 19 марта 1603 г. была подписана королевская лицензия для труппы актеров, в числе которых находился Уильям Шекспир. Им предоставлялось право ставить пьесы для королевской семьи, а также давать представления в театре «Глобус». Ранее эта труппа именовалась «слугами лорд-камергера». После получения королевского покровительства они приняли звание «королевских слуг», под которым они выступали до 1613 г., до тех пор, пока пожар не уничтожил театр⁸⁴. Эта труппа участвовала в большом количестве придворных театральных представлений, фестивалей, маскарадов, особенно организованных королевой.

Другим любимым развлечением монархов традиционно была охота. Организацией охоты занимались специальные распорядители (**master of the games или game's keeper**). Часто эти почетные должности раздавались знатным придворным, которые заведовали охотой в королевских парках, лесах и имениях. Естественно, что в структуре английского двора существовали охотничьи службы. Королевской псарней (kennels), которая формально входила в состав департамента Королевской конюшни (king's stables), заведовал королевский ловчий (master of hounds; hund — гончая). Сокольниковый (**master of falconer**) руководил соколиной охотой и службой двора, которая ее организовывала (toils — сети, ловушки).

Яков I увлекался охотой. Значительную часть времени он проводил в охотничьей резиденции в Ройстоне в окружении своих ближайших слуг. В январе 1609 г. была создана новая должность **marshall of the field**⁸⁵, который должен был следить, чтобы короля во время его путешествий и охоты сопровождали только ближайшие друзья, а посторонние не мешали и не препятствовали его развлечениям. Во время охоты Яков I как бы изолировался от окружающего его мира. Естественно, руководители охотничьих служб и их помощники получали большое количество подарков и пожалований. Расходы отдельных охотничьих служб были сопоставимы с расходами некоторых субдепартаментов⁸⁶.

В XVI в. двор становится культурным центром страны, законодателем мод и стилей в искусстве. Учреждаются должности королевского художника (**painter**), королевского миниатюриста (**limner**), хранителя

---

⁸³ The Progresses... Vol. 1. P. 598.

⁸⁴ Ibid. Vol. 1. P. 154–155; The Letters of John Chamberlain... Vol. 1. P. 467.

⁸⁵ The Letters of John Chamberlain... Vol. 1. P. 282.

⁸⁶ The Progresses... Vol. 2. P. 24, 108, 123, 387.

королевской галереи картин (picture keeper), хранителя королевской библиотеки (library keeper).

Но более чем произведения искусства и книги, при дворе ценились драгоценности. Королевская ювелирная мастерская, или сокровищница (**jewel house**), **всегда имела много заказов. Она считалась частью департамента королевской палаты, но пользовалась значительной автономией по отношению к власти лорд-камергера. Ее возглавлял распорядитель, главный ювелир королевства (master of the jewels). Ему помогали секретарь и заместитель в ранге йомена. В мастерской работали ювелиры (jewellers) и золотых дел мастера (goldsmiths). С приходом к власти Якова I расходы на драгоценности заметно возросли⁸⁷. Иногда ювелирная служба двора использовалась в качестве резервной казны, неподконтрольной Казначейству. В июне 1614 г., после роспуска парламента, который отказался субсидировать короля, на хранение в jewel house были переданы добровольные пожертвования лордов в виде денег и драгоценностей⁸⁸.**

Королевская капелла (**chapel royal**) **со своим штатом также считалась частью департамента Королевской палаты. Вместе с тем она имела некоторую независимость от лорд-камергера и финансировалась прямо из Казначейства. Она была центром религиозной жизни двора. При этом она воспринималась как личная собственность монарха, то есть была неподотчетна епископальной юрисдикции и находилась под прямым королевским управлением. Возглавляли Королевскую капеллу декан (например, Джеймс Монтагю, позднее епископ Виндзора) и его викарий. Штат священнослужителей (vestry staff) состоял из капелланов, священников, проповедников (gospeller). Хором из 30 взрослых хористов (gentlemen of chapel royal) и 10–12 мальчиков руководил капелльмейстер (master of choristers). Он также должен был ездить по стране, разыскивая талантливых мальчиков для королевского хора⁸⁹.**

Штат Королевской капеллы был своего рода гарантом сохранения протестантского духа двора. Особое место среди них занимал личный духовник короля (clerk of closet). Согласно прокламации 1616 г., он отвечал за организацию ритуала излечения золотушных⁹⁰. Некоторое время королевским духовником был Ричард Нил. На этот пост его продвинул архиепископ англиканской церкви Бэнкрофт, чтобы Нил, «находясь постоянно

⁸⁷ Constitutional Documents of the Rein of James I. 1603–1625 / Ed. by J. P. Tanner. Cambridge, 1952. P. 138.

⁸⁸ The Letters of John Chamberlain... Vol. 2. P. 542.

⁸⁹ Loades D. The Tudor Court. P. 172.

⁹⁰ Stuart Royal Proclamations / Ed. by J. F. Larkin, P. L. Hughes. Oxford, 1973. Vol. 1. P. 358–359.

подле (короля), был готов оказывать услуги церкви и священникам». Нил оправдал оказанное доверие, хотя и потерял любовь некоторых придворных, тех, кто явно склонялся к пуританизму⁹¹. Известно, что служители Королевской капеллы активно выступали против испанского брака. В частности, декан капеллы Ланселот Эндрус в своей неопубликованной поэме резко возражал против этого⁹².

При дворе Якова I сложился весьма своеобразный религиозный календарь. Помимо традиционных религиозных праздников, церковный штат двора принимал активное участие в целом ряде дополнительных празднеств: день восшествия на престол, годовщина заговора графа Гори, годовщина Порохового заговора. В эти дни были обязательны проповеди королевских капелланов. Многие из королевских священников пользовались большим доверием Якова I и впоследствии занимали епископские кафедры. В целом как часть структуры двора к началу XVII в. королевская часовня почти ничем не отличалась от других, светских, служб.

Кроме вышеперечисленных субдепартаментов, в состав Королевской палаты входило большое количество придворных слуг, которые не были включены ни в один из них и подчинялись непосредственно лорд-камергеру: крысолов (ratcatcher), сапожник (shoemaker), шпорник (spurrier), сундучник (coffermaker), часовщик (clock keeper), водопроводчик (plumber), парфюмер (perfumer), посыльные (messengers), швеи (sempstresses), вышивальщицы (embroiderers) и т. д. Посыльные, как правило, возглавляли церемониальные процессии, то есть формально считались низшими представительными слугами двора⁹³. Формально в штат палаты входили королевские лодочники (watermen), управлявшие королевской баржей, курсировавшей по Темзе, во главе со своим капитаном (master of barges).

Особое положение при дворе занимали представители медицинских профессий (в 1605 г. — 12 человек): аптекари, хирурги, врачи, дантисты. Кроме заботы о здоровье короля, они должны были принимать жаждущих исцеления от золотухи от рук короля, чтобы удостовериться, что они больны именно этим недугом⁹⁴. Х. Тревор-Роупер считал, что большая открытость двора Якова I отразилась на развитии медицины в целом⁹⁵.

---

⁹¹ The Progresses... Vol. 2. P. 190–191.

⁹² Smuts M. Court Culture... P. 32.

⁹³ The Progresses... Vol. 2. P. 65; Fineti Philoxenis... P. 24.

⁹⁴ Дмитриева О. В. Сотворение божества: Сакрализация культа Елизаветы I Тюдор // Средние века. 1995. Вып. 58. С. 159.

⁹⁵ Trevor-Roper H. Medicine at the Early Stuart Court // Trevor-Roper H. From Counter-Reformation to Glorious Revolution. Chicago, 1992. P. 27–46.

На короткий период двор стал центром распространения новой, химической медицины (Paracelsianism). Социально значимым эффектом деятельности медиков того времени стало распространение химических лекарств и, как следствие, выделение аптекарей в 1618 г. в отдельную от бакалейщиков компанию. При дворе было много иностранных врачей. Среди них особо выделялся Теодор де Мейерн. Он стал эмиссаром гугенотов и швейцарских кальвинистов в Лондоне.

В общей сложности штат департамента Королевской палаты с его службами достигал порядка 750–800 человек⁹⁶. В силу своей близости к монарху Палата привлекала лиц более высокого социального статуса, чем «нижний хаусхолд». Места в департаменте были хотя и не очень прибыльными, но обеспечивали постоянный стол и проживание при дворе и предоставляли возможность для включения в систему придворного покровительства и патронажа. Из-за наплыва ко двору провинциальной знати в конце XVI–начале XVII в. и ограниченности числа достойных ее положения постов, в том числе и в Королевской палате, наметилась тенденция, когда выходцы из благородных семейств, стремясь закрепиться при дворе, стали занимать должности, ранее предназначенные для средних сословий.

Как уже отмечалось, департамент Королевской палаты в основном обслуживал повседневную жизнь монарха, а также выполнял церемониальные и увеселительные функции. С одной стороны, он был призван обеспечить личные потребности государя и уход за ним, а с другой — выполнение им функций как главы государства. Высшие слуги палаты составляли ближайшее окружение короля и являлись естественным каналом реализации его воли. Все попытки правительства ограничить расходы Королевской палаты⁹⁷ наталкивались на произвол со стороны Якова I и сопротивление его слуг. Яков щедро даровал новые должности и увеличивал содержание старым. Большое количество должностей было передано инкорпорированным в английскую придворную среду шотландцам.

В сравнении с департаментом Королевской палаты структура департамента Дворцового хозяйства (Household below stairs), или просто Хаусхолда (Household), была еще более разветвленной. Внутренняя

⁹⁶ *Aylmer G. E.* The King's Servants. The Civil Servants of the Charles I. 1625–1642. London, 1974. P. 26–27; *Akrigg G. P. V.* Jacobean Pageant or the Court of James I. P. 27.

⁹⁷ Первой и единственной удачной крупной попыткой сократить расходы Королевской палаты стала реорганизация ведомства строительных работ, проведенная Р. Сесилом. — Подробнее см.: *The History of the King's Works. Vol. 3. Part I.* P. 117–119; *Seddon P. R.* Household Reforms in the Reign James I // *Bulletin of Institute Historical Research.* 1980. Vol. 53. P. 52–55.

организация Хаусхолда соответствовала его трем основным функциям: хозяйственное и продовольственное снабжение двора; финансовое обеспечение хаусхолда; надзор за поведением слуг и придворных.

Службы департамента формировались вокруг одного из двух архитектурно-пространственных центров королевского дворца — Королевского холла (Hall).

Еще при Елизавете Холл являлся лишь приемной, где приглашенные ко двору томились в ожидании разрешения пройти в Королевскую палату. Пытаясь возродить древнюю традицию, Яков I Стюарт время от времени распоряжался об организации в холле совместных придворных обедов. Отчасти это соответствовало шотландской практике, где холл оставался важной архитектурно-пространственной единицей королевского двора, местом, где проходили официальные торжественные мероприятия. Однако попытки Якова I возродить традицию совместных трапез не возымели должного эффекта и оказались недолговечными. Единство, которое они должны были символизировать, было искусственным. В начале XVII в. Королевский холл был окончательно обращен не «вверх», а «вниз», то есть ориентирован не на короля, а на его слуг.

В штат Холла как одной из придворных служб входили: церемониймейстеры Холла, цалмейстеры — оформители дворца (surveyor of dresser), прислужники (**servers of the hall**), **подносчики дров (woodbeares)**, звонарь (bellinger), смотрители Холла (surveyors of the hall) и др. Общая численность слуг Холла в начале XVII в. превышала 40 человек⁹⁸.

Высшим должностным лицом Хаусхолда и всего двора был лорд-стюард (lord steward), или лорд-гофмаршал двора. Он был главным управляющим королевского двора и входил в состав Тайного совета. Лорд-стюард назначался лично королем из числа пэров Англии. Он был первым по своему статусу слугой королевского двора и одной из самых политически влиятельных фигур королевства. В качестве символа своей власти лорд-стюард носил белый жезл. Он возглавлял «белый штат» двора, имел право назначать и снимать слуг хаусхолда, а также право суда на всей территории королевского двора и над всеми королевскими слугами.

Гофмаршалский суд был призван охранять тишину и спокойствие «в резиденции короля и ближайших окрестностях»⁹⁹, разбирать жалобы на слуг хаусхолда и поставщиков двора. Он был независим от других

⁹⁸ *Aylmer G. E.* The King's Servants... P. 472.

⁹⁹ *Jones W. R.* The Court of the Verge: the Jurisdiction of the Steward and Marshal of the Household in Later Medieval England // *The Journal of British Studies.* 1970. Vol. 10. Nr. 1. P. 7–8, 21.

королевских судов. Апелляции на его приговоры могли направляться только на имя самого короля. Суд рассматривал все уголовные и гражданские дела, возникавшие внутри границ королевского двора. Границей двора (*verge*) считалась двенадцатимильная зона вокруг резиденции монарха. Она имела статус *liberty*, то есть территории, изъятой из системы английского общего права¹⁰⁰. Для решения особо важных дел назначались присяжные из числа королевских слуг, а остальные дела рассматривались обыкновенным жюри во главе с лорд-гофмаршалом.

Для рассмотрения смертельных случаев назначался специальный следователь — королевский коронер (*coroner*)¹⁰¹. Осужденного присяжными заседателями в присутствии лорд-стюарда надлежало лишить правой руки и посадить в тюрьму, либо, по выбору, крупно оштрафовать. На церемонии ампутации должны были присутствовать все главные сановники двора и руководители придворных субдепартаментов. Для ее проведения каждый из них должен был принести определенный предмет (веревки, чтобы связывать приговоренного; ткань, чтобы перевязать культю и т. д.)¹⁰².

Во время путешествия короля по провинциальным резиденциям полномочия суда переносились на их территорию, что часто было причиной недовольства и жалоб местных жителей в парламент, поскольку Гофмаршалский суд первенствовал над всеми другими судами¹⁰³. Особое недовольство вызывали штрафы и другие наказания за несоблюдение местными жителями твердых, так называемых «королевских цен» на продовольствие, устанавливаемых на местных рынках во время нахождения поблизости двора.

Яков I еще более расширил судебные полномочия лорд-стюарда. В 1612 г. им был создан Дворцовый суд, или *Curia virgae palatii domini regis*. Его полномочия распространялись на все частные дела, возникавшие внутри двенадцатимильной зоны Уайтхолла. При этом участники конфликта не обязательно должны быть членами королевского двора. Это вызывало протесты жителей Лондона, попавших под его юрисдикцию. Ввиду частого отсутствия Якова I вне Уайтхолла возникал вопрос: как отсчитывать двенадцатимильную зону, от места пребывания короля или от места нахождения его двора, то есть служб хаусхолда.

¹⁰⁰ Согласно биллю Генриха VIII, для того чтобы «они (слуги) не могли вести дела в других судах и их служба терялась» (*Bill for the Household* (33. Henry VIII. C. XII) // *Statuts at Large*. London, 1681. P. 543–547.

¹⁰¹ *Loades D. The Tudor Court*. P. 42.

¹⁰² *Bill for the Household*.

¹⁰³ *Loades D. The Tudor Court*. P. 41; *Tout T.F. The Chapters in the Administrative History of Mediaeval England*: In 2 vols. Manchester, 1920. Vol. 2. P. 33.

На последнем активно настаивал лорд-канцлер Англии Эллисмер¹⁰⁴. Слуги хаусхолда были материально заинтересованы в расширении полномочий Гофмаршальского суда, поскольку определенная часть штрафов и конфискованного судом имущества поступала в их распоряжение. Яков I также был в этом заинтересован, так как получал дополнительную возможность для поощрения собственных слуг в условиях постоянной нехватки средств.

Поскольку лорд-стюард считался судьей *ex officio*, то есть по праву занимаемой должности и без судебного патента (*without commission*), и был обременен другими обязанностями, то нередко судебные заседания проводил его специальный заместитель (*lieutenant*). Приговоры Гофмаршальского суда и дисциплинарные распоряжения лорд-стюарда приводили в исполнение королевский пристав (**knight marshall**) и его помощник — пристав Королевского холла (*knight marshall of the hall*). Отчасти его функции пересекались с обязанностями королевских привратников и Королевской стражи, но именно королевский пристав должен был задерживать нарушителей и преступников благородного происхождения¹⁰⁵. Например, именно королевскому приставу было поручено конвоировать лорда Кобэма ко двору в Винчестер, где должен был состояться суд по делу Уолтера Рэли и других «заговорщиков»¹⁰⁶.

На долю королевского пристава приходилась основная забота по очищению двора от разного рода «лишних» людей: бродяг, прихлебателей, попрошайек, проституток, прислуги королевских слуг. Уже в мае 1603 г. во время переезда в Англию Яков I был вынужден выпустить прокламацию, приказывающую отослать от двора всех праздных персон. Очевидно, что она не возымела должного действия, поскольку в конце июля была выпущена новая прокламация против «праздных персон, как англичан, так и шотландцев», которые не могли дать отчет о цели их пребывания при дворе¹⁰⁷.

Всем штатным слугам двора и присутствующим знатным персонам предписывалось предоставить высшим слугам хаусхолда, в том числе и королевскому приставу, списки своих постоянных слуг. Королевский пристав должен был ежедневно объезжать границы двора, задерживать и наказывать тех, кто не числился в этих списках. Те, кто считал для себя необходимым остаться при дворе, должны были подать специальное прошение, а всех остальных слуг надлежало отправить по домам. В дальнейшем Якову Стюарту еще не раз приходилось выпускать

---

¹⁰⁴ *Knafla L.* Law and Politics in Jacobean England. Cambridge, 1977. P. 311.

¹⁰⁵ *Loades D.* The Tudor Court. P. 91.

¹⁰⁶ *The Progresses...* P. 293.

¹⁰⁷ *Stuart Royal Proclamations...* Vol. 1. P. 21–22, 44–45.

специальные прокламации против присутствия при дворе бродяг и излишней прислуги¹⁰⁸.

Пост лорд-стюарда в годы правления Елизаветы и Якова I долгое время не был занят или совмещался с постом лорд-камергера, который находился в большей зависимости от монарха. Отчасти это происходило из-за нежелания предоставить его возможному обладателю значительную власть и влияние при дворе, чтобы не дать укрепиться одной из противоборствующих придворных группировок. Пост был вакантным до 1616 г., несмотря на то что обязанности и полномочия лорд-стюарда подробно описывались в ордонансе 1604 г. Яков I прекрасно понимал потенциал, скрытый в этой должности, и дал возможность ему реализоваться только тогда, когда потребовалось уравновесить сложившийся при дворе расклад сил. В противовес лорду Пемброку, получившему пост лорд-камергера, и Бэкингеу, ставшему королевским шталмейстером и фактически контролировавшему штат Королевской спальни, в 1615 г. лорд-стюардом был назначен близкий родственник короля камергер Королевской спальни шотландец герцог Леннокс.

Должность дала Ленноксу не только формальное первенство над всеми пэрами королевства, но и возможность административно-финансового и судебно-юридического контроля и над Хаусхолдом, и над королевским двором в целом. Леннокс, чей статус первого аристократа королевства сознательно поддерживал Яков I, попытался воспользоваться административными и политическими полномочиями, которые он имел, занимая эту должность, и восстановить ее авторитет. Например, стремясь утвердить контроль над распределением постов внутри хаусхолда, он выступил против передачи без его согласия должности казначея департамента от лорда Уоттона к Томасу Эдмондсу, а на освобождавшийся пост инспектора двора предложил Джеральда Сесила¹⁰⁹. Но поскольку эти должности относились к разряду высших постов не только двора, но и всего государства, то назначение на них в значительной мере было предметом политических и фракционных спекуляций. Решающую роль в данной ситуации играли намерения самого Якова I. Кроме того, в структуре департамента Дворцового хозяйства к началу XVII в. начал утверждаться иерархический принцип замещения должностей, который и нарушали предложения Леннокса. По этим и ряду других причин ему не удалось в полной мере установить контроль над распределением должностей в департаменте. К тому же Леннокс не имел собственной обширной клиентелы в отличие от других лидеров двора,

---

¹⁰⁸ Stuart Royal Proclamations... Vol. 1. P. 434–435.

¹⁰⁹ CSP Dom. 1610–1618. P. 510–511.

что резко ограничивало его возможности. В гораздо большей степени это удалось преемникам Леннокса на посту лорд-стюарда, лордам Пемброку и Гамильтону в период правления Карла I.

Согласно положениям ордонанса 1604 г., лорд-стюард должен был ежедневно осуществлять финансовый и административный контроль над деятельностью служб и слуг Хаусхолда¹¹⁰. Но выполнение подобных контрольных обязанностей должно было отнимать много времени, поэтому ордонанс специально оговаривал возможность его отсутствия для осуществления более важных дел¹¹¹ — имеются в виду заседания Тайного совета или выполнение королевских поручений, то есть провозглашался приоритет политических полномочий лорд-стюарда двора перед его административными обязанностями. К тому же у лорд-стюарда всегда оставалась возможность следить за работой собственного департамента и контролировать назначения на придворные должности.

Тем не менее, необходимо признать, что должность лорд-стюарда более предрасполагала к тому, чтобы играть активную политическую роль, чем выполнять повседневные, рутинные обязанности по управлению департаментом. Эти обязанности были переданы специальной группе королевских слуг, подчиненных руководителю департамента дворцового хозяйства и составлявших Гофмаршалскую контору.

Гофмаршалская контора (Board of Greencloth) получила свое название от стола, покрытого зеленым сукном, который находился в Счетной палате (Compting house) королевского двора¹¹². За этим столом ежедневно проходили заседания группы высших королевских слуг департамента дворцового хозяйства. В состав Гофмаршалской конторы входили казначей хаусхолда, инспектор двора с двумя секретарями, казначей-кассир департамента и два клерка-секретаря конторы. Они составляли «белый штат» хаусхолда, то есть обладали административной и судебной властью в границах двора. Все они имели свои специфические обязанности, контролировали определенные направления финансово-хозяйственной деятельности хозяйственного департамента двора. Вместе с гофмейстером они составляли администрацию хозяйственного департамента двора.

Гофмаршалская контора была контрольно-ревизионным органом двора. Она контролировала вопросы снабжения двора, его доходы и расходы, имела юридическую и дисциплинарную власть на территории дворца. Контора имела право наказывать нарушителей порядка, указывать им на несоответствие их поведения принятым нормам. Ее члены

---

¹¹⁰ Ordinances for the Governing and Ordering of the King's Household // *The Progresses...* (далее — ОНЖ). Р. 450.

¹¹¹ ОНЖ. Р. 450.

¹¹² Ibid. Р. 450–451.

с взаимного согласия могли вынести решение о наказании королевских слуг, как рядовых, так и руководителей отдельных субдепартаментов, плохо выполнявших свои обязанности, вплоть до отстранения от должности¹¹³. Апелляции на решения конторы отправлялись только на имя короля¹¹⁴.

Ордонанс 1604 г. уточнял процедуру заседаний Гофмаршальской конторы и обязанности ее членов. Возможно, что Яков I попытался восстановить практику ежедневного присутствия всех членов Гофмаршальской конторы на ее заседаниях с целью более строгого контроля расходов королевского хаусхолда.

После лорд-стюарда второй по своему статусу в Хаусхолде считалась должность казначея Хаусхолда (**treasurer of the Household**). Казначей нес официальную ответственность за казну департамента, а также контролировал годовой бюджет всего двора. Согласно ордонансу 1604 г., казначей должен был проверять бухгалтерские книги и счета всех служб хаусхолда за прошедший день. В случае обнаружения чрезмерных растрат в каком-либо ведомстве он принимал участие в вынесении решения о наказании руководителя этой придворной службы¹¹⁵. В течение шести месяцев после окончания года он должен был предоставить в распоряжение Казначейства годовой финансовый отчет. Как правило, должность казначея хаусхолда занимали рыцари или сыновья пэров. Существовала семейная преемственность при назначении на пост.

С 1601 по 1616 гг. должность занимал сэр Уилям Ноллис, отец которого сэр Френсис также был членом Гофмаршальской конторы во времена Елизаветы¹¹⁶. Ноллис был заметной фигурой как при елизаветинском, так и при яковитском дворе. В молодости он участвовал в военных кампаниях на континенте, был связан с любимцем королевы, графом Лейстером. Ноллис не был последователен в своих политических пристрастиях и был связан с различными аристократическими группировками двора. При Якове I Ноллис сохранил свои посты и положение как сторонник Сесила. Более того, 13 мая 1603 г. он получил титул барона. Затем он сблизился с той частью тюдоровской аристократии, которая была отвергнута Яковом I и примкнула ко двору принца Генри. В то же время Ноллис постепенно сближается с кланом Говардов, женившись в 1605 г. на дочери Томаса Говарда, графа Саффолка и лорд-камергера двора. В 1615 г. за свое усердие в организации «добровольных пожертвований» знати в пользу короля Ноллис был удостоен чести стать кавалером

¹¹³ OHJ. P. 450–451.

¹¹⁴ CSP Dom. 1603–1610. P. 613.

¹¹⁵ OHJ. P. 450.

¹¹⁶ *Loades D.* The Tudor Court. P. 205.

Ордена Подвязки и назначен руководителем суда по опеке. Церемония возведения Ноллиса в члены ордена Подвязки стала символом противостояния при дворе англичан и шотландцев. Его «оппонентом» в роскоши, богатстве одеяния и свиты во время церемонии был шотландец Томас Эрскин, обер-камергер Королевской спальни. Но вскоре из-за падения клана Говардов и конфликта с Бэкингемом Ноллис был вынужден оставить свои посты. Его жена обвинила королевского фаворита в падении семьи Говардов, на что Яков I объявил, что он не желает, чтобы ему служил муж такой женщины. Только в 1621 г. Ноллису удалось частично восстановить свое положение благодаря тому, что он стал одним из лидеров в палате лордов в деле против обвиненного в коррупции лорд-канцлера Бэкона. В следующем году состоялось примирение Ноллиса с Бэкингемом, которому он продал свой дом в Лондоне.

Карьера Ноллиса является типичной для выходца из тюдоровской придворной аристократии, представители которой столкнулись в начале XVII в. с новыми серьезными противниками в лице шотландских слуг и королевских фаворитов. Втянутый во фракционную борьбу, Ноллис был вынужден заботиться об установлении контактов с лидерами придворных группировок, чтобы сохранить свое положение при дворе. В данной системе служение монарху осуществлялось через служение его приближенным слугам и фаворитам.

Третью ступень в иерархии департамента Дворцового хозяйства занимал инспектор хаусхолда, или просто контролер (comptroller). Его статус и функции были близки к полномочиям казначея хаусхолда. Контролер должен был ежедневно проверять расходы департамента за прошедший день. Именно инспектор отвечал за введение в действие приказов и распоряжений лорд-стюарда по департаменту и контроль за их исполнением. Он контролировал ход выполнения хозяйственных работ, например, следил за приготовлением блюд. Инспектор должен был проверять запасы всех субдепартаментов, количество и качество поставляемых продуктов, докладывать о нарушениях лорд-стюарду и казначею департамента. Каждый понедельник он должен был инспектировать все хозяйственные службы, сравнивая остатки провизии и материалов с тем, что поступило, и с тем, что было израсходовано. Это делалось для пресечения воровства слуг. Кроме этого, он должен был контролировать цены, по которым закупалась провизия для двора¹¹⁷. Таким образом, должность инспектора двора вместе с подчиненными ему секретарями рассматривалась как своеобразный контрольно-ревизионный орган департамента Дворцового хозяйства. Поэтому пост был достаточно

---

¹¹⁷ ОНЛ. Р. 451.

привлекателен для знати, и часто его занимали сыновья пэров. Он рассматривался как ступень на пути к более важным должностям королевского двора.

Первую половину правления Якова I должность инспектора занимал Эдуард Уоттон (1602–1615), выходец из состоятельной кентской семьи. Уоттон слыл очень влиятельной фигурой при дворе, выделяясь своим пристрастием к моде. Елизавета использовала его в качестве посла в Шотландии, где он близко познакомился с Яковом Стюартом. Сохранились его воспоминания о шотландском дворе. В них он обращает внимание на скромность стиля шотландского двора и простоту короля в обращении со своими слугами. С 1602 г. он стал инспектором двора и членом Совета. С приходом Якова I к власти Уоттон сохранил пост и получил баронский титул. Он также был одним из судей по делу Уолтера Рэли. Яков I не особенно жаловал Уоттона, возможно из-за его католицизма. В 1605 г. он получил единственное крупное пожалование от короля — аренду нескольких маноров в графстве Денби¹¹⁸. В 1610 г. Яков I вспомнил о дипломатическом опыте Уоттона и отправил его в почетное посольство во Францию, чтобы поздравить Людовика XIII со вступлением на престол. К тому времени Уоттону было уже 62 года. В ноябре 1616 г. в возрасте 68 лет он стал казначеем хаусхолда в соответствии со сложившимся в департаменте порядком замещения должностей, но уже через месяц ему предложили оставить пост за 5000 фунтов.

Непосредственно финансовую и контрольную деятельность в Гофмаршальской конторе выполнял штат клерков Гофмаршальской конторы во главе с казначеем-кассиром хаусхолда.

Казначей-кассир департамента дворцового хозяйства (cofferer) с середины XVI в. стал действительным руководителем Гофмаршальской конторы и Счетной палаты. Он являлся хранителем наличных сумм, отпускаемых на содержание департамента из Казначейства, и выплачивал из этих средств жалование королевским слугам. Это была четвертая по своему статусу должность хозяйственного департамента двора. Обязанности казначея-кассира были подтверждены в ордонансах Якова I¹¹⁹. Казначей-кассир нес ответственность за ежедневные расходы хозяйственных субдепартаментов — хранил средства, поступающие на содержание департамента от Казначейства¹²⁰, выделял средства на содержание послов при английском дворе¹²¹. Другой важной функцией казначея-кассира

¹¹⁸ CSP Dom. 1603–1610. P. 221.

¹¹⁹ OHJ. P. 450–451.

¹²⁰ См.: *Dietz F. C.* The Receipts and Issues of the Exchequer during the Reigns of James I and Charles I. P. 158–163.

¹²¹ CSP Dom. 1611–1618. P. 31, 154.

являлся контроль над деятельностью королевских поставщиков продовольствия и других товаров (*purveyors*) и реквизиторов транспорта (*cart takers*) для нужд королевского двора.

Помогал казначею-кассиру штат клерков Гофмаршальской конторы. Его составляли два секретаря конторы (*clerks of the greencloth*) и два помощника королевского придворного инспектора, или просто клерки-контролеры. Они вели все ее дела, протоколы заседаний, передавали распоряжения вышестоящих слуг. Именно клеркам Гофмаршальской конторы руководители хозяйственных служб должны были представлять ежедневные отчеты о своих расходах (*breivements*). Клерки обрабатывали их: переписывали, корректировали, подсчитывали и заносили в общий свод расходов департамента за прошедший день (*main-doggett*), который хранился в Счетной палате¹²². Кроме того, они должны были ежемесячно составлять отчет об общем потреблении продовольствия на основе сведений обо всех партиях товаров, поставляемых в субдепартаменты двора. Отчет вносился в специальную бухгалтерскую книгу (*foot of the parcells*)¹²³. В конце каждого года секретарям конторы приходилось проделывать большие и сложные бухгалтерскую операции по составлению годового отчета о расходах двора. В случае невыполнения этой задачи им грозила потеря всего квартального жалования. Только к ним могли применяться суровые санкции в случае задержки финансовых отчетов. Как члены высшего ревизионного органа двора секретари должны были участвовать в еженедельных инспекторских проверках помещений дворца, офисов отдельных субдепартаментов на предмет выявления посторонних лиц, а также тех, «кто обедает здесь».

Из тех, кто являлся секретарем Гофмаршальской конторы, следует отметить Энтони Уэлдона (1609–1617). Он был автором известного антишотландского сочинения «Двор и характер короля Якова I», изданного в Лондоне в 1650 г., а также ряда других антишотландских произведений. Возможно, что за одно из них он был уволен с поста секретаря в 1617 г. Уэлдоны олицетворяли тот средний слой слуг тюдоровского двора, чье благополучие во многом зависело от доходов с занимаемой ими должности. Они болезненно воспринимали любые реформы и новации, призванные ограничить расходы двора, а значит, сокращавшие источники их доходов. Нового короля с его «бедными» шотландцами этот средний слой придворного истеблишмента встретил без особого восторга, хотя и получил от него рыцарские титулы.

---

¹²² ОНЛ. Р. 451.

¹²³ *Ibid.* Р. 452.

Особенно возросла конкуренция среди претендентов на должности среднего уровня, которые ранее распределялись среди определенных семейств придворных слуг. Сейчас на эти должности стали претендовать отпрыски провинциальной и столичной знати, лондонские торговцы, клиенты королевских фаворитов и лидеров придворных фракций. Таким образом нарушался традиционный порядок замещения должностей, нарушалась былая стабильность и корпоративная целостность существования придворных слуг. Именно из-за чрезмерной расточительности нового короля по отношению к шотландцам и избранным английским аристократам возникла необходимость в сокращении придворных расходов и экономии, которая на практике затрагивала в большей степени среднее звено королевских слуг. В этой связи произведение Уэлдона представляют образец мысли представителя тюдоровского среднего слоя придворных, почувствовавшего угрозу своему положению при новом дворе. Главной причиной всех бед, по мнению Уэлдона, является расточительность короля и его ближайшего окружения из шотландцев. К ним он питает нескрываемое отвращение, которое накопилось у англичан за долгие годы исторического противостояния и отложилось на уровне ментальных установок и которое было актуализировано не слишком привлекательным поведением шотландцев на их новой родине.

Особенно ярко это отношение Уэлдона проявилось в записях («*A Description of Scotland*»), появившихся в отчете Гофмаршальской конторы после возвращения из путешествия в Шотландию в 1617 г. вместе с якобитским двором. Особенно Уэлдона возмутил прием, который оказали шотландцы рядовым слугам двора: стражникам, лакеям, квартирьерам, конюшим и другим. Несмотря на то что после смещения по королевскому распоряжению ему была выплачена компенсация и назначена пенсия, чтобы обеспечить его лояльность, он сохранил критическое отношение к раннестюартовскому режиму в целом, что демонстрируют его произведения и переписка с оставшимися при дворе друзьями¹²⁴. Во время гражданской войны Уэлдон стал сторонником парламента и активным проводником его политики в Кенте. Судьба секретаря Гофмаршальской конторы Уэлдона подтверждает, что стюартовский двор не смог как в этническом, так и в социальном плане выполнить ту объединительную функцию, которая ему первоначально предназначалась Яковом I. После того как обнаружилось авторство записок, Уэлдона лишили должности «как человека, недостойного есть хлеб того, чье происхождение он так подло поносил»¹²⁵.

---

¹²⁴ CSP Dom. 1633–1634. P. 240, 244; CSP Dom. 1637–1638. P. 233, 598.

¹²⁵ The Progresses... Vol. 3. P. 338–339.

Помимо собственно секретарей Гофмаршалской канторы в ее состав входили два клерка-контролера (clerks of the comptroller, или clerk-comptrollers). Они были помощниками инспектора департамента Дворцового хозяйства. Прежде всего, клерки-контролеры должны были контролировать деятельность казначея-кассира хаусхолда и его секретарей. Они проверяли, присутствуют ли слуги на своих местах в положенное время. В случае отсутствия кого-либо или уклонения от выполнения своих обязанностей клерки-контролеры могли распорядиться об отмене суточного жалования. Проверки устраивались в соответствии с квартальным штатным расписанием всех департаментов двора, где также указывалось жалование королевских слуг. Это так называемый контрольный список (check roll), который хранился у клерков-контролеров. Под их наблюдение попадали не только слуги хаусхолда, но и слуги Королевской палаты, а также слуги двора королевы. Клерки-контролеры могли наказывать не только тех, кто отсутствовал при дворе без разрешения, но и тех, кто просто обедал или ужинал в «другом месте, противоположном предписанию королевских ордонансов»¹²⁶. Это дополнение находилось в русле попыток в 1604 г. ограничить расходы двора путем сокращения числа так называемых «столов» придворных слуг и их стоимости. Кроме того, клерки-контролеры должны были изгонять из двора лишнюю собственную прислугу королевских слуг (servant's servants), для чего также вводились материальные санкции¹²⁷. В случае, если лишнего слугу обнаруживали впервые, его хозяин или глава субдепартамента получали выговор. При повторных нарушениях они лишались двухдневного жалования за каждый случай.

Деятельности инспектора двора и его секретарей отводилась ключевая роль в рамках департамента дворцового хозяйства. Один из ордонансов 1604 г. заканчивался тем, что предписывал контролеру двора и его клеркам «хорошо управлять» своими делами, «чтобы дать другим пример для того, чтобы управлять ими еще лучше»¹²⁸.

Одним из управляющих дворцовым хозяйством был гофмейстер двора (**master of the Household**), или **дворецкий**. Гофмейстер был призван осуществлять связь между Гофмаршалской канторой и Королевской палатой, придавать вес и авторитет проверкам и инспекциям, которые проводили клерки канторы. В ордонансах 1604 г. гофмейстер выступает в качестве заместителя всех высших слуг хаусхолда в одном лице. В их отсутствие он должен совершать ежедневные утренние проверки расходов хозяйственных служб двора и принимать соответствующие

¹²⁶ ОН. Р. 452.

¹²⁷ *Loades D. The Tudor Court.* P. 60–61.

¹²⁸ ОН. Р. 453.

меры. В отличие от лорд-стюарда, казначея и инспектора департамента, отсутствие гофмейстера в данный момент ордонансом не предусматривалось¹²⁹. Отчасти на него перекладывался контроль за придворными поставками и запасами. Под наблюдением дворецкого необходимые продукты передавались в «руки королевских поваров», а готовые блюда — на столы¹³⁰.

Но все-таки главной обязанностью гофмейстера было следить за дисциплиной и порядком при дворе. В 1615 г. сэр Томас Вэвэйсор как гофмейстер двора получил предписание помочь в проверке, проводившейся с целью арестовать и отправить в Шотландию «праздных лиц этой нации»¹³¹. Гофмейстер осуществлял административный контроль при дворе. На него перекладывалась значительная часть обязанностей лорд-стюарда. Как символ своих полномочий дворецкий носил белый жезл, хотя формально он не был членом «белого штата» двора.

Счетная палата хаусхолда (compting house) занималась хранением дел, бухгалтерских книг, отчетов, их перепиской и составлением, то есть действовала как архив Гофмаршальской конторы. В состав Счетной палаты входили йомены, гоф-юнкеры, личные секретари казначея-кассира, посыльные. Возглавлял их королевский слуга в ранге сержанта¹³².

К числу слуг департамента Дворцового хозяйства, наделенных определенными властными полномочиями, следует отнести, с некоторыми оговорками, королевского торгового надсмотрщика (clerk of the market). Он должен был контролировать торговую деятельность вокруг королевского двора, следить за качеством товаров и поддерживать низкие цены на прилегающих рынках. В осуществлении этих функций ему помогали несколько заместителей и специальное жюри. Особенно большое значение деятельность торгового надсмотрщика приобретала во время королевских путешествий по стране. Королевский торговый надсмотрщик инспектировал рынки вокруг резиденции короля, особенно те из них, на которых делались закупки для двора. Он хранил эталоны мер и весов и при их помощи контролировал проведение торговых операций, а также рассматривал споры между английскими и иностранными купцами. Через него фактически реализовывалось старинное королевское право реквизиций продовольствия для королевских нужд¹³³.

¹²⁹ ОНЖ. Р. 451.

¹³⁰ Ibid.

¹³¹ CSP Dom. 1611–1618. P. 159, 281.

¹³² *Aylmer G. E. The King's Servants...* P. 472.

¹³³ *Aylmer G. E. The Last Years of Purveyance 1610–1660 // Economic History Review. 1957. Ser. 2. Vol. 10. N 1. P. 83.*

Яков I стремился распространить полномочия придворного надсмотрщика на территорию всей страны вне зависимости от местопребывания короля. Деятельность королевского надсмотрщика вызывала резкое недовольство английских купцов. Нередки были обвинения в злоупотреблениях: перепродажа по рыночным ценам поставляемых ко двору товаров, искусственное занижение цен, вымогательство.

Уже во время переезда из Шотландии в Англию весной 1603 г. Яков I распорядился, чтобы королевский торговый надсмотрщик взял под свой контроль все цены и не допустил их роста. Причем эти меры подавались как «забота о его любимых подданных»¹³⁴ и как законное историческое право всех английских монархов, а не как произвол нового короля¹³⁵. Естественно, от подобных ограничений выигрывали королевские слуги, придворные и лица, сопровождающие двор, а отнюдь не местные жители.

В последующих королевских прокламациях торговому надсмотрщику предписывалось всеми доступными ему средствами не допускать роста цен, удерживать их в тех границах, которые существовали до прибытия двора¹³⁶. Цены, которые устанавливал королевский торговый надсмотрщик, заверялись в Счетной палате хаусхолда и вывешивались с его личной печатью для всеобщего ознакомления на воротах двора. Он также был обязан контролировать насыщение рынка, поскольку торговцы и горожане припрятавали товар, не желая продавать его по заниженным «королевским ценам». Это явление было настолько массовым, что иногда реально возникала угроза голода и слуги были вынуждены покупать продовольствие по высоким ценам. При этом виновными признавались обе стороны — и продавец, и покупатель, и оба подлежали наказанию¹³⁷.

Парламент неоднократно пытался ограничить королевские реквизиции и власть королевского торгового надсмотрщика, но каждый раз билли застревали в комитетах или палате лордов. По мнению депутатов палаты общин, торгового надсмотрщика следовало лишить права регулировать цены. Парламентарии также требовали ограничить привилегию королевских слуг, состоявшую в преимущественном праве покупки¹³⁸.

---

¹³⁴ Savil J. King James, his Entertainment at the Theobalds // The Progresses... Vol. 1. P. 138.

¹³⁵ Stuart Royal Proclamations... Vol. 1. P. 297.

¹³⁶ Ibid. P. 20–21.

¹³⁷ Ibid.

¹³⁸ Constitutional Documents of the Reign of James I, 1603–1625 / Ed. by J. P. Tanner. Cambridge, 1952. P. 338; The Journal of Sir Roger Wilbraham, for the 1593–1616 // Camden Society Miscellany / Ed. by H. S. Scott. London, 1902. Vol. 10. P. 75–85, 103.

Только в 30–40-е годы XVII в. под давлением парламента полномочия королевского торгового надсмотрщика были ограничены территорией, прилегающей непосредственно к королевскому дворцу.

К началу XVII в. департамент Дворцового хозяйства объединял около двадцати хозяйственных служб, или субдепартаментов. Каждый из них выполнял строго определенные функции и имел собственный штат слуг. Ведущие субдепартаменты возглавлялись слугами в ранге королевских сержантов, а «младшие» управлялись клерками или йоменами.

Под руководством слуг благородного ранга находились только две хозяйственные службы двора — группа королевских квартирьеров и служба раздачи королевской милостыни.

С приходом Якова I двор, по выражению английских историков, «стал оседлым», а Уайтхолл — единственной постоянной резиденцией. Но дело в том, что не перешел к оседлой жизни сам король. Двор нередко оставался в Лондоне, в то время как Яков I с небольшой группой приближенных перемещался от одного охотничьего дворца к другому. Наиболее любимыми из них были Ройстон и Ньюмаркет. Причем иногда, по мнению современников, он делал это в самые неподходящие моменты, например, во время заседания парламента.

За время своего правления Яков I предпринял несколько длительных путешествий по стране, самое значительное из которых состоялось в 1617 г. в Шотландию. Многие считали, что частые поездки отвлекали короля от государственных дел, а те, кому приходилось принимать короля, тайне роптали, подсчитывая убытки. Во время королевских вояжей возрастало значение специальных служб, ответственных за их организацию.

Службой королевских квартирьеров (harbingers) руководил старший квартирьер двора, или квартирмейстер (knight harbinger), который входил в штат Королевской палаты. Ему подчинялись два квартирьера в ранге джентльменов и шесть квартирьеров-йоменов. Квартирьеры выполняли две функции: сообщали о приближении короля и его двора местным жителям по пути следования королевской процессии и заботились об организации их приема и постоя. Лица, играющие роль королевских предвестников, должны были обладать высоким статусом, чтобы соответствовать важности и исключительности события. Подготовка квартир и комнат для участников процессии, организация постоя для их лошадей требовали наличие определенных властных полномочий, поскольку местные жители предоставляли то и другое без особого удовольствия. Подобное гостеприимство всегда было сопряжено для них с большими расходами. Квартирьеры не только распределяли реквизированные помещения между слугами, но следили за тем, чтобы они вели себя пристойно, не шумели и не грабили местное население, не пользовались

вещами, продуктами, кормом для лошадей без разрешения хозяев и соответствующей компенсации¹³⁹.

Королевской службой по раздаче милостыни (almonry) руководил милостынник (sub-almoner). Обычно это было духовное лицо¹⁴⁰. Раздача милостыни должна была производиться за дворцовыми воротами. На практике большинство попрошаек просачивались во дворец. Там они сами добывали остатки еды, а то, что попадало в распоряжение милостынника, либо передавалось различным благотворительным учреждениям, либо продавалось. В штат субдепартамента входили два йомена и два гоф-юнкера.

Из хозяйственных субдепартаментов, которые группировались вокруг Королевского холла, ведущее место занимали королевская кухня и гофинтендантская контора.

Кухня (kitchen)—центральный и самый большой хозяйственный субдепартамент двора. Вокруг него разворачивалась деятельность всех остальных хозяйственных служб. Ее штат включал около 40 человек, причем из них примерно треть (поварята, кухонная прислуга) не получали жалования, а перебивались разовыми выплатами, подачками и приработками. Во главе субдепартамента стоял первый секретарь королевской кухни (chief clerk). Он проверял качество продуктов, поступающих из кладовых, представлял ежедневные и ежемесячные отчеты в Гоф-маршалскую контору, отвечал за качество и количество приготовленных блюд. В руководстве кухней ему помогали два клерка.

Приготовлением блюд занимались трое или четверо шеф-поваров (master cooks). Им подчинялись шесть-семь йоменов и столько же гоф-юнкеров, восемь-десять поварят и другая прислуга. Королевская кухня делилась на две части: личная королевская кухня (privy kitchen), которая готовила для стола монарха, и «большая кухня» (**great kitchen**), которая готовила для королевских слуг, обедающих в Холле¹⁴¹. Как и в большинстве хозяйственных субдепартаментов, с приходом Якова I расходы на королевскую кухню значительно возросли (с 12 000 до 20 000 фунтов в год)¹⁴².

Формально от кухни зависели королевская кондитерская по изготовлению вафель и тонких кексов (wafery) и котельная (boiling house), возглавляемые йоменами и включающие в свой штат несколько гоф-юнкеров и гоф-пажей. Кроме вышеуказанных кондитерских служб, существовала кондитерская по изготовлению пирожных и печенья (pastry).

---

¹³⁹ EHD. Vol. 5. P. 513.

¹⁴⁰ The Progresses... Vol. 1. P. 520.

¹⁴¹ Hall H. Court life under the Plantagenets. New York, 1970. P. 246.

¹⁴² В 1617 г. — 21 561 фунтов. — См.: Dietz F.G. English Public Finance... P. 415–416.

К числу главных хозяйственных служб Хаусхолда, помимо кухни относились: кладовая для пряностей и соли (spicery)¹⁴³, от которой формально зависела кондитерская по производству конфет и других сладостей (confectionery); служба, занимавшаяся снабжением Королевской конюшни сеном, овсом и соломой, которой ранее устилали пол в холле (avery). Такое же двойное разделение, как и кухня, имела королевская хлебопекарня (bakehouse). Личная королевская пекарня выпекала хлеб исключительно из муки мелкого помола и только для королевского стола. Ее штат состоял из двадцати человек и возглавлялся сержантом.

Одним из важнейших хозяйственных субдепартаментов двора являлась гофинтендантская контора (acatry, фр. *achatour* — закупщик, покупатель). Она ведала закупкой продовольствия на рынке и его хранением до распределения по специальным кладовым. Во главе конторы стояли два сержанта и клерк. Им подчинялись поставщики и десять-двенадцать младших слуг.

Во дворе существовал ряд кладовых помещений, которые составляли отдельные субдепартаменты. Особо следует выделить винный погреб (cellar). На сержанта этой придворной службы возлагался контроль над потреблением вина при дворе, дело отнюдь не простое: во-первых, большинство вин завозилось с континента и, следовательно, их запасы были ограничены и требовали постоянного пополнения. Во-вторых, качество вина должно было соответствовать положению слуг, то есть «благородные вина» — для «благородных придворных и королевских слуг», а «низкие» сорта — для рядовых слуг двора. Ордонанс 1604 г. инструктировал руководителя «винного» субдепартамента двора ограничить потребление белого испанского вина двенадцатью галлонами в день, и только для благородных леди и джентльменов двора «ради улучшения их здоровья». Гасконские вина разрешалось подавать только по праздникам¹⁴⁴. Для пополнения запасов вина сержант винного погреба регулярно ездил во Францию, где проводил закупки¹⁴⁵.

Другими кладовыми службами хаусхолда были: кладовая для мясных продуктов, дичи (larder); погреб для хранения пива и эля (buttery), административно зависимый от винного погреба¹⁴⁶; склад свечей, воска и других предметов для освещения (*chandlery*) **кастелянская для хранения умывальных принадлежностей (ewery)**. Кроме того, имелись такие

¹⁴³ В 1617 г. на его нужды было выдано 200 фунтов. — См.: *Dietz F. G. English Public Finance...* P. 415.

¹⁴⁴ ОНЖ. P. 113.

¹⁴⁵ CSP Dom. 1611–1618. P. 47.

¹⁴⁶ Их совместные расходы в 1617 г. составили 6859 фунтов (*Dietz F. G. English Public Finance...* P. 415).

специальные службы, как королевский птичий двор (poultry)¹⁴⁷ и королевская скотобойня (pither house).

Также при дворе существовали такие хозяйственные службы, как посудомоечная (scullery); ее штат также заботился о заготовке топлива и посуды для кухни и оплачивал услуги медников, сундучников и корзищиков¹⁴⁸; кладовая для посуды (pantry); комната для кипячения (scalding house) посуды, утвари, столовых приборов и туш животных в целях гигиены.

Гардероб департамента Дворцового хозяйства (**wardrobe of the Household** или **livery**) обеспечивал слуг департамента постельным бельем, а также служебным и парадным облачением¹⁴⁹. Гардеробу административно и финансово подчинялась королевская прачечная (lander).

Во главе большинства субдепартаментов стояли слуги в ранге сержантов. Как правило, они следили за порядком и дисциплиной во вверенном им субдепартаменте, за его функционированием, обеспечением необходимыми продуктами и материалами, правильным распределением жалования, чаевых и продовольственного содержания среди подчиненных слуг. Службы, требующие составление сложных финансово-хозяйственных отчетов, имели в своем штате клерков. Они предоставляли отчеты в Гофмаршалскую контору и поддерживали связь с королевскими поставщиками. Именно вокруг них группировались другие субдепартаменты, сержанты которых предоставляли клеркам старших служб собственные отчеты.

Как уже отмечалось, после воцарения Якова I усиливается давление на двор со стороны знати и представителей джентри с целью получить придворные должности, поэтому в ряде департаментов (buttery, cellar) возникают новые должности, которые носили почетный характер и, скорее всего, являлись синекурами. Но включение в штат позволяло их обладателям постоянно находиться при дворе, вмешиваться в сложившийся порядок замещения должностей и участвовать в распределении доходов, получаемых действительными слугами, вызывая тем самым их недовольство.

Общий штат департамента Дворцового хозяйства колебался в пределах 250–300 человек¹⁵⁰. В 1618 г. в соответствии с общим планом

---

¹⁴⁷ Один из самых расходных субдепартаментов — 8899 фунтов в 1617 г. (*Dietz F. G. English Public Finance...* P. 415).

¹⁴⁸ Расходы в 1617 г. составили 2910 фунтов (*Ibid.* P. 415).

¹⁴⁹ Расходы гардероба в начале XVII в. заметно возросли (с 7200 до 10 700 фунтов), что говорит об общем росте количества хозяйственных слуг (*Ibid.* P. 416).

¹⁵⁰ *CSP Dom. 1603–1610.* P. 385.

по реформированию хаусхолда было проведено сокращение числа хозяйственных слуг. Формально поводом для сокращения стал предстоящий отъезд короля в путешествие и, следовательно, невозможность и отсутствие необходимости взять с собой всех слуг хаусхолда. В результате на своих постах осталось «только» 294 человека¹⁵¹.

В целом, хозяйственные службы обеспечивали практически все жизненные потребности монарха и двора. Двор был своего рода огромным механизмом по получению, переработке, хранению, использованию продовольственных и иных товаров и даже по избавлению от их излишков с выгодой для королевских слуг.

Слуги хозяйственного департамента имели гораздо более низкий статус, чем слуги Королевской палаты. Должности занимали в основном выходцы из средних слоев. Но благодаря близости к финансовым потокам внутри двора, продовольственному снабжению, относительной удаленности от контроля высших сановников положение слуг департамента было по-своему привлекательным.

Третьим департаментом королевского двора был департамент Королевской конюшни (Stable). Формально к сфере его ответственности относилось все, что находилось «за дверьми королевского дворца», то есть во дворе королевской резиденции (out-of-doors). В действительности он отвечал, главным образом, за содержание придворной конюшни и псарни.

Возглавлял департамент шталмейстер двора (Master of the Horse). По своему статусу он считался третьим должностным лицом королевского хаусхолда¹⁵². Пост был почетным и не очень обременительным. Шталмейстер, как и другие высшие слуги двора, входил в состав Тайного совета и держал собственный стол при дворе.

Шталмейстер отвечал за все дела, связанные с содержанием королевских лошадей и собак. Он руководил работой Королевской конюшни, каретного двора, королевского конезавода и псарни. В отличие от лорд-камергера и лорда-стюарда, шталмейстер назначался на должность королевским патентом, который давал ему право пожизненно занимать свой пост. В XVI–XVII вв. шталмейстер — очень почетная и в большей

¹⁵¹ Stuart Royal Proclamations... Vol. 1. P. 434.

¹⁵² Хотя во время отсутствия при дворе лорда-камергера шталмейстер становился старшим из слуг хаусхолда, тем не менее, ему не хватало полномочий, чтобы отдавать распоряжения слугам других ведомств двора. Например, в 1607 г. шталмейстер двора Вустер сообщал Сесилу, что его предписания недостаточно, чтобы в отсутствие лорда-камергера организовать похороны королевской дочери Марии. Это подтверждает, что департаментная организация двора превалировала над социально-должностным статусом его слуг (Salisbury Papers. Vol. 19. P. 247).

степени церемониальная должность. Часто она предоставлялась королевским фаворитам. Например, при Елизавете пост занимали граф Лейстер (1559–1587) и граф Эссекс (1587–1597), ближайшие из ее фаворитов.

Шталмейстер был непременным участником всех торжественных церемоний, во время которых он следовал непосредственно за монархом, поддерживая его шлейф или ведя в поводу его лошадь¹⁵³. Пост давал возможность всюду сопровождать монарха, в том числе и во время королевских охот и загородных прогулок верхом, что, в частности, было выгодно Бэкингему, который стал шталмейстером в 1616 г. При Якове I расходы Королевской конюшни выросли почти в три раза¹⁵⁴.

Действительными управляющими департамента были старший королевский конюший (chief avener или gentleman of the horse) и клерк-маршал (clerk marshal). Старший конюший должен был постоянно находиться на службе и руководить работой департамента, а секретарь ведал расходами Королевской конюшни. В штат департамента входили королевские слуги в ранге эсквайров (esquires), конюшие (grooms), наездники (rider), пажы, лакеи, каретники (carter), седельный мастер со своими слугами. Они заботились о лошадях двора и его посетителей. Кроме того, слуги конюшни принимали активное участие в придворных церемониях в составе свиты королевской семьи или какой-либо знатной особы, сопровождали королевскую карету, дежурили в Присутственной палате в постоянной готовности предоставить экипаж для короля, членов его семьи, почетных гостей и высших сановников.

Общая численность служащих Королевской конюшни составляла около 140 человек¹⁵⁵. В конюшне насчитывалось около ста лошадей. Во время больших церемоний, приемов иностранных гостей, путешествий по стране использовали дополнительно личные экипажи придворных и высших слуг, а также нанимали или реквизировали кареты у населения.

Шталмейстер Елизаветы, а затем и Якова I, **Эдуард Сомерсет**, четвертый граф Вустер, был членом различных парламентских, правительственных, придворных комиссий, но не забывал о делах собственного департамента. Он был прекрасно воспитанным и преуспевающим придворным из древнего рода. О доверии к нему первого Стюарта говорит назначение католика Вустера в следственные комиссии по изгнанию иезуитов и по расследованию «Порохового заговора». Вустер неоднократно предлагал перестроить королевские конюшни в различных дворцах, ходатайствовал об оплате расходов департамента¹⁵⁶. Через него

---

¹⁵³ The Progresses... Vol. 1. P. 231, 325–327.

¹⁵⁴ Dietz F. G. English Public Finance... P. 415–416.

¹⁵⁵ Aylmer G. E. The King's Servants... P. 472.

¹⁵⁶ CSP Dom. 1603–1610. P. 127, 132.

проходили средства, выдаваемые Казначейством на покупку лошадей для королевского двора¹⁵⁷. Он выступал в качестве патрона для слуг собственного департамента, когда рекомендовал некоторых из них для получения грантов и должностей¹⁵⁸. Должность позволяла Вустеру быть в центре придворной жизни. Он был одной из ключевых фигур в системе придворных связей и патронажа. Финет свидетельствует о том, что через него осуществлялись контакты между королевой и французским послом¹⁵⁹.

С 1608 г. королевской прокламацией предписывалось, что продажа лошадей за границу разрешается только с письменного согласия короля или шталмейстера. Мотивировалось это тем, что экспортировалось много лошадей, а это приводило к росту цен и угрозе нехватки лошадей для королевской службы¹⁶⁰. Скорее всего, это распоряжение было очередной попыткой Якова I посредством придворных структур установить собственный контроль над одним из секторов экономики.

Постепенно доверие к Вустеру со стороны Якова I стало **ослабевать**. С 1612 г. король хотел передать пост своему фавориту Роберту Карру, чтобы официально закрепить его высокое положение при дворе. В 1614 г. это считали уже свершившимся фактом, поскольку Карр занимал место «больного» Вустера во время проведения придворных церемоний¹⁶¹, но его соперником неожиданно выступил граф Пемброк. Последний рассматривал пост как часть семейной собственности, поскольку ранее пост шталмейстера принадлежал его родственникам — графам Лейстеру и Эссексу. Этот спор стал одной из причин развала наметившегося было союза Карра с «протестантской» придворной фракцией. Вустер упорствовал. В результате был предложен компромисс: должность шталмейстера оставалась в руках Вустера, а Карру гарантировалось, что ему достанется первый из освободившихся в будущем высших государственных постов. Таким постом стала должность лорд-камергера двора. Вустер оставался шталмейстером до 1616 г., когда под давлением Якова I уступил его **новому королевскому фавориту** Бэкингему.

Пост шталмейстера позволил Бэкингему закрепиться в придворной и социальной иерархии. В качестве шталмейстера он стал официально участвовать в придворных церемониях, находясь непосредственно около короля. Неформальное лидерство перешло в формальное. Это подтвердил

¹⁵⁷ Около 700 фунтов в год (Ibid. P. 192, 488, 620).

¹⁵⁸ Salisbury Papers. Vol. 19. P. 27, 294, 456.

¹⁵⁹ Finetti Philoxenis... P. 17.

¹⁶⁰ Stuart Royal Proclamations... Vol. 1. P. 195.

¹⁶¹ Letters of Chamberlain... P. 522.

факт включения его в шотландский совет, причем Бэкингом получил первенство среди всех советников на том основании, что он является шталмейстером¹⁶².

Естественно, что Бэкингом как ближайший королевский фаворит и ведущий государственный деятель во второй половине яковитского правления не уделял должного внимания деятельности Королевской конюшни. Финет в своих дневниках несколько раз упоминает, что по вине Бэкингема-шталмейстера были сорваны приемы иностранных послов, поскольку он во время не обеспечил их свиту экипажами¹⁶³.

Общий постоянный штат (ordinary) королевского двора в начале XVII в. насчитывал более 1800 человек¹⁶⁴. Около половины из них присутствовали при дворе ежедневно или несли дежурство во время своей квартальной смены. К ним необходимо добавить большое количество временных и внештатных слуг (extraordinary), которые получали разовое содержание, а также целую армию личной прислуги королевских слуг. Чрезмерная численность присутствующих была одной из главных проблем королевского двора¹⁶⁵.

Большая часть расходов департамента шла на продовольственное снабжение двора для обеспечения столов короля и его слуг. Епископ Гудмен писал, что огромные расходы двора происходят от большого количества «дармоедов, целых семейств бедных людей, особенно шотландцев», которые стекаются сюда только ради еды¹⁶⁶. Эта проблема чрезвычайно беспокоила современников и вскоре пробрела острый политический характер в связи с требованиями палаты общин, чтобы король жил за счет собственных средств («live of his own») и ограничил щедрость к своим слугам.

Уже отмечалось, что Яков I разделил свой двор на две неравные части. К первой относились избранные высшие слуги, прежде всего шотландцы Королевской спальни, которым доставалась львиная доля

---

¹⁶² The Progresses... Vol. 20. P. 334.

¹⁶³ Finetti Philoxenis... P. 46.

¹⁶⁴ Aylmer G. E. The King's Servants... P. 27.

¹⁶⁵ В среднем при Елизавете расходы королевской палаты составляли от 12 000 до 16 000 фунтов в год, а хаусхолда — около 60 000 фунтов. В первые годы правления Якова I расходы составляли около 25 000 и от 68 000 до 73 000 фунтов в год соответственно. В целом, государственные расходы, так или иначе связанные с содержанием двора, составляли около трети всех расходов короны. — Подробнее см.: Dietz F. C. 1) The Receipts and Issues... P. 158–163; 2) English Public Finance... P. 102–110, 399–424.

¹⁶⁶ Goodmen G. The Court of King James the First: In 2 vols. / Ed. by J. Brewer. London, 1839. Vol. 1. P. 320–321.

королевской милости, ко второй — все остальные слуги, за счет которых зачастую и достигалась экономия.

Формально Королевскую спальню возглавил герцог Леннокс (Людовик Стюарт), двоюродный брат Якова I, получивший звание первого дворянина Спальни (First Nobleman of the Bedchamber). Он пользовался большим доверием короля. В Шотландии Леннокс одновременно возглавлял Совет, Королевскую палату и спальню. Яков I рассматривал его в качестве лидера социальной иерархии королевства и административной иерархии двора. В 1615 г. Леннокс получил высшую придворную должность лорд-стюарда, а в 1623 г. — титул герцога Ричмонда, сохранив таким образом первенство над Бэкингемом. Во внешних делах придерживался традиционной для шотландцев профранцузской ориентации.

С приходом к власти Якова I Стюарта современники отмечали, что стиль жизни английского двора резко изменился. Яков I фактически запретил вспоминать Елизавету и ее правление, ограничил траур по ней. Примечателен следующий эпизод: французскому послу настойчиво советовали не появляться при дворе в траурных одеждах под угрозой возможного недовольства короля и его ближайших слуг, на которых он вряд ли сможет впоследствии рассчитывать. Ничто не должно было напоминать Якову I о его предшественнице¹⁶⁷.

Если в публичной сфере Яков I был вынужден придерживаться достаточно строгого английского церемониала, то в личном общении король проявлял известную фамильярность, свойственную шотландскому придворному стилю. Это позволяло ему по собственному усмотрению выделять из общей массы круг привилегированных лиц и наделять их особым доверием¹⁶⁸. Опора на традиционный для Шотландии клановый корпоративизм являлась характерным методом управления Якова I. Представители преданных короне группировок включались в ближайшее королевское окружение¹⁶⁹.

Первоначально состав Спальни формировался верными Якову I шотландцами, однако вскоре после приезда в Англию Яков I продемонстрировал готовность к сотрудничеству с тюдоровской аристократией

¹⁶⁷ A Jacobean Journal. Vol. 1. P. 38.

¹⁶⁸ В 1601 г. английский посол в Шотландии отмечал, что королю прислуживала «толпа слуг, которые даже не снимали свои шляпы... общались с ним с французской фамильярностью, оставляя все почести для службы королеве» (Smith L. P. Life and Letters of sir Henry Wotton. Oxford, 1907. Vol. 1. P. 314–315; Wilson D. H. James VI and James I. London, 1956. P. 172).

¹⁶⁹ Федосов Д. Г. Лорды и лэрды: Шотландское дворянство в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: Границы сословия / Под ред. В. А. Ведюшкина. М., 1997. С. 35–49.

на вполне определенных условиях англо-шотландской унии и паритетного представительства наций во властных структурах. В июле 1603 г. камергерами Спальни были назначены шотландец Джеймс Хей и англичанин Филипп Герберт, будущий граф Монтгомери. Войдя в состав Спальни, молодой Герберт быстро превратился в одного из королевских любимчиков. Он был постоянным участником придворных маскарадов и других развлечений, пожиная плоды королевской щедрости. Монтгомери был популярен в обществе как защитник традиционных английских аристократических ценностей и протестантской религии. Повзрослев, он стал проявлять политическую и экономическую активность. После смерти Сесиля граф стал одним из лидеров новой фракции при дворе, состоявшей из сторонников бывшего министра. Неслучайно в 1615 г. он был избран почетным управляющим Оксфорда — интеллектуального центра английского протестантизма. Монтгомери получал от Якова I многочисленные земельные и денежные пожалования, неоднократные прощения долгов. В начале 1625 г., предчувствуя смерть, Яков I рекомендовал его как верного слугу своему наследнику принцу Карлу.

Но все же Монтгомери долгое время был исключением из заведенных королем правил. Этническая замкнутость Спальни сохранялась и далее. До 1617 г. все восемь камер-юнкеров спальни были шотландцами, выходцами из известных семейств. Камергеров Спальни к тому времени было девять человек, восемь из них были шотландцами.

Стабильность системы и замкнутость Спальни была нарушена лишь в 1614 г. включением в ее состав Джорджа Виллерса, будущего герцога Бэкингема. К 1622 г. он продвинул в Спальню восемь англичан. Бэкингему удалось практически уравнять соотношение шотландских и английских слуг Спальни, и в конце правления Якова I этническое противостояние внутри двора было почти снято. Более того, именно от англичан исходила угроза смещения Бэкингема с позиции фаворита. Например, Бэкингему пришлось отправить одного из таких конкурентов — Артура Бретта в заграничное путешествие, подальше от двора¹⁷⁰. К тому времени политическая ситуация при дворе несколько изменилась. Консерватизм Якова I в отношении состава слуг Спальни сменился прагматизмом Бэкингема. Возможно, поэтому фаворит не поддержал идею о замене на посту обер-камергера Спальни шотландца виконта Фентона на кого-либо из англичан.

В англо-американской историографии долгое время доминировало представление о том, что раннестюартовский хаусхолд и придворные

---

¹⁷⁰ Acts of the Privy Council of England. Vol. 6. July 1621– May 1623. London, 1932. P. 421.

шотландцы не играли какой-либо значительной политико-административной роли. Они лишь «тратили деньги» и придерживались профранцузской ориентации, хотя некоторые из них и занимали высокие посты¹⁷¹.

Это утверждение справедливо по отношению к шотландцам, не вошедшим в Королевскую спальню, которые заняли средние и низшие посты в Королевской палате и государственных департаментах, а также к тем, кто остался в Шотландии. Напротив, Королевская спальня, заполненная шотландцами, приобрела ключевое значение в раннестюартовских патронатно-клиентных отношениях.

Тенденция к этническому замыканию Спальни проявилась после того, как Яков I принял английский двор и провел переговоры с лидерами тюдоровской администрации. Первоначально он принял ко двору практически всех советников и слуг елизаветинского двора, все они «были учтено приняты к собственному удовлетворению»¹⁷². Щедрой раздачей рыцарских титулов Яков I стремился заручиться поддержкой провинциального джентри и горожан, а провозгласив сохранение всех постов за прежними владельцами, надеялся на содействие елизаветинской бюрократии.

Только встретив сопротивление елизаветинской элиты своим планам продвижения шотландцев в Совет и на государственные посты, Яков I обратился к двору и к Спальне как к средствам утвердить свой авторитет и инкорпорировать своих соотечественников в английскую административную и социальную системы. Возможно, определенную роль в изначальном этническом замыкании Спальни сыграли общее противостояние английской и шотландской знати и конкретно заговор Рэли, лорда Кобэма и Фортескью, которых обвинили в оппозиции королю и шотландцам. Некоторые из ведущих шотландских лордов, вернувшиеся в октябре 1603 г. в Шотландию, были недовольны тем, что англичане выказали им очень мало уважения, особенно когда отказались включить их в Совет¹⁷³.

Отделение Спальни от остального двора произошло во время прибытия Якова I в Тауэр (11–13 мая) накануне коронации. Яков I решил оставить в штате Спальни лишь преданных и испытанных слуг, исполнителей его воли. Слуги Спальни стали своего рода закрытой элитой стюартовского двора, которую монарх рассматривал как собственную

¹⁷¹ *Aylmer G. R.* The Struggle for the Constitution. London, 1971. P. 17, 26; *Willson D. H.* 1) James VI and James I. London, 1956. P. 175; 2) King James I and Anglo-Scottish Union // Conflict in Stuart England / Ed. by W. A. Aiken, B. L. Henning, London, 1960. P. 41–55; *Smith A.* The Emergence of a Nation State. The Commonwealth of England. 1529–1660. London, 1992. P. 157; *Akrigg G. P. V.* Jacobean Pageant... P. 54.

¹⁷² The Progresses... Vol. 1. P. 47–48.

¹⁷³ Jacobean Journal. Vol. 1. P. 70.

семью. Они получали львиную долю королевских щедрот. Из 29 придворных, получивших 75 % всех пожалований за вторую половину XVI–начало XVII в., десять являлись членами яковитской Спальни, а из девяти получивших 45 % пожалований, шестеро были королевскими камергерами¹⁷⁴.

Исключительное положение слуг Королевской спальни было закреплено церемониально. Во время придворных процессий королевские спальники следовали либо непосредственно перед королем, либо сразу после него, в отличие от слуг Личной палаты, которые располагались в первых рядах шествия¹⁷⁵.

Яков I использовал включение в штат Спальни как проявление одной из высших форм королевского расположения¹⁷⁶. Он относился к этому вопросу очень избирательно, продвигая кого-либо в ее штат либо с целью приблизить тех, кому он полностью доверял, либо для того, чтобы более тесно привязать к себе тех, кто стоял за предлагаемыми кандидатурами. Например, Джордж Вилльерс, будущий герцог Бэкингем, был включен в Спальню по настоянию королевы Анны и первоначально считался ставленником графа Пемброка и епископа Эббота, лидеров «протестантской» партии при дворе.

Вхождение в состав Спальни давало возможность приглянувшимся Якову I персонам закрепиться в придворном сообществе. Они переходили под личное покровительство короля, их статус резко повышался. Наиболее характерными примерами в этом отношении являются Роберт Карр и Джордж Вилльерс.

Даже Бэкингем, самый влиятельный из всех королевских фаворитов, не смог полностью сломить влияние шотландцев, так как последнее слово оставалось за королем, чей личный и социальный базис был ограничен, прежде всего, его соотечественниками. Именно они на протяжении всего правления получали львиную долю пожалований¹⁷⁷, а Бэкингем, несмотря на все свое огромное влияние, так никогда и не стал официально главой Спальни, как не возглавил и социальную иерархию двора (как уже упоминалось, Леннокс получил титул герцога Ричмонда, чтобы сохранить первенство на социальной лестнице перед герцогом Бэкингемом). В 1620 г. шотландец маркиз Гамильтон стал камергером Спальни «без соучастия лорда Бэкингема»¹⁷⁸. Д. Лоудз несколько

---

¹⁷⁴ Stone L. The Crisis of the Aristocracy. 1558–1641. Oxford, 1967. P. 470–476, 774–776.

¹⁷⁵ Proceedings in Parliament 1610... Vol. 2. P. 96.

¹⁷⁶ Letters of James I / Ed. by G. P. V. Akrigg. Berkely, 1984. P. 337–340.

¹⁷⁷ Stone L. The Crisis... P. 217.

¹⁷⁸ The Progresses... Vol. 3. P. 590.

преувеличивает влияние последнего, считая, что с приходом Бэкингема произошла изоляция двора от провинции и аристократии посредством выталкивания соперников фаворита на периферию патронатно-клиентных отношений, а политический разрыв наслаивался на разрыв в морали, манерах, культурных и религиозных ценностях¹⁷⁹. Во-первых, собственная клиентела Бэкингема была чрезвычайно широка и разнообразна, а во-вторых, по-прежнему сохраняли свое определенное влияние и патронатные связи лидеры различных придворных группировок.

Как уже отмечалось, в первые годы яковитского правления Королевская спальня фактически узурпировала доступ к монарху, ограничивая даже королевских советников и высших должностных лиц государства.

При Стюартах постепенно выделяются три категории лиц, присутствовавших при дворе: те, кто автоматически имел доступ в Королевскую спальню (слуги субдепартамента и высшие чины королевства); вторую категорию составляли те, кто мог от себя лично искать аудиенции короля через слуг Спальни (к ним относились советники, епископы, различные должностные лица); и третью — те, кого вызывал сам король, а также те, кто, пусть и состоял в штате Королевской палаты, тем не менее, не имел доступа в ряд комнат, составлявших королевские апартаменты (например, слуги Личной палаты)¹⁸⁰.

Постепенно через слуг Спальни стало проходить значительное количество документов на королевскую подпись. Так, например, о Хэмфри Мэе, одном из немногих англичан, которым удалось в середине правления Якова I проникнуть в Спальню, говорили, что он может сделать любую просьбу и любого просителя, каким бы уважением он ни пользовался, негодными королю¹⁸¹. Спальня стала своего рода барьером между королем и его министрами и подданными. Яков I часто использовал слуг Спальни как первых советников, прежде чем обращаться за советом к лордам Англии¹⁸².

Пристрастие Якова I к охоте и конным прогулкам, в которых его сопровождали только слуги Спальни, укрепляло особое положение слуг субдепартамента.

Благодаря особой близости к монарху и доверию с его стороны слуги Спальни часто выступали в качестве специальных королевских порученцев. Иногда даже самые влиятельные из королевских советников не были информированы об их действиях. Так произошло в случае

¹⁷⁹ *Loades D. M. Politics and the Nation 1450–1660. Brighton, 1974. P. 363.*

¹⁸⁰ *Asch R. G. Der Hof Karls I von England... P. 134.*

¹⁸¹ *Ibid.*

¹⁸² Например, при разрешении споров между послами (*Finetti Philoxenis... P. 20–21*).

с одним из камергеров Спальни Джоном Гиббом, который был послан Яковом I с распоряжением об отсрочке приведения в исполнение приговора над Уолтером Рэли¹⁸³.

Поскольку Яков I большое количество времени проводил вне Лондона, то государственное управление в значительной мере осуществлялось через корреспонденцию. Например, Роберт Карр самостоятельно отбирал сообщения и отсеивал просьбы, направляемые к королю.

Шотландские слуги королевских покоев играли активную роль в системе придворного патроната. К ним обращалось большое количество охотников до королевских должностей и пожалований¹⁸⁴. По подсчетам Н. Кадди, через Спальню проходило около 20 % документов на королевскую подпись. При Бэкинге их доля возросла до 50 %¹⁸⁵.

В 1613 г. испанский посол, оценивая ситуацию при английском дворе, сообщал, что главными фаворитами короля стали шотландцы во главе с Робертом Карром, к тому времени — виконтом Рочестером. С ним единственным, по мнению испанца, король решает все свои дела, а «совет состоит из плохо осведомленных людей»¹⁸⁶.

Государственный секретарь и лорд-казначей государства Роберт Сесил постепенно потерял те административно-финансовые привилегии, которыми он обладал в конце елизаветинского правления. Тогда он имел почти неограниченную монополию на получение королевской подписи, строгий контроль над расходами королевы, ее двора и всего государства, свободный доступ к монарху. Инспектор хаусхолда Томас Эдмондс писал, что Сесилу пришлось заключить своего рода паритетное соглашение с Джорджем Хоумом, неформальным лидером Спальни, о разделе сфер влияния вокруг короля. За Сесилом сохранялись вопросы управления государством, а Хоум, о котором говорили, что он пользовался любовью короля и знал обо всех его склонностях и о большинстве королевских тайн, контролировал распределение придворных должностей, королевских пожалований, особенно предназначенных лично для него и шотландцев¹⁸⁷.

Отношение Якова I к своему окружению исключило для Сесила возможность установить прямой контроль над Королевской спальней. Сесилу пришлось использовать особые методы опосредованного влияния, через продвижение в штат Спальни «своих» людей. К ним с известными

---

¹⁸³ *Akrigg G. P. Jacobean Pageant... P. 37.*

¹⁸⁴ Подробнее см.: *Peck L. L. Court Patronage and Corruption in Early Stuart England. Boston, 1990. P. 41–43.*

¹⁸⁵ *Cuddy N. The Revival of the Entourage... P. 218.*

¹⁸⁶ *CSP Dom. 1611–18. P. 199.*

¹⁸⁷ *The Progresses... Vol. 3. P. 590.*

оговорками можно отнести шотландца Джеймса Хэя, англичанина Филиппа Герберга, племянника Сесила Роджера Эстона, который, хотя и был англичанином по происхождению, уже давно обосновался в Шотландии. С Эстоном Сесил вел переписку еще до вступления шотландского короля на английский престол. Что касается Хэя, то Яков Стюарт также рассматривал его в качестве связующего звена в отношениях с министром и, видя стремление своего слуги добиться признания у английской аристократии, всячески способствовал ему в этом¹⁸⁸.

Эстон и Хей, которые были королевскими советниками, играли довольно заметную роль как во внутренней, так и во внешней политике, чего не скажешь о Филиппе Герберте, который был одним из первых любимчиков Якова I, известного своими необычными пристрастиями. Его главная заслуга была в том, что он разбирался в собаках. К тому же, главным патроном и покровителем для всех троих всегда оставался король.

Поэтому государственный секретарь был вынужден использовать прямой подкуп некоторых камергеров (Леннокс, Эрскин) и камер-юнкеров (Джон Марри), чтобы заручиться их поддержкой при решении тех или иных вопросов. Для этого Сесил первое время закрывал глаза на чрезмерную королевскую расточительность в пользу шотландцев, а защищая в парламенте право короля на благосклонность к своим соотечественникам, демонстрировал им свою необходимость. Он стремился привязать к себе как можно больше шотландцев, для чего покровительствовал родственникам слуг Королевской спальни¹⁸⁹.

В 1610 г. Спальня окончательно вышла из-под контроля Сесила, когда при активном участии ее слуг был провален Великий контракт — соглашение об обмене некоторых феодальных прав короны (опеки, реквизиций и др.) на постоянные субсидии. Это была последняя попытка Сесила сохранить старую, тюдоровскую, систему управления. Слуги шотландской Спальни и других придворных служб были объективно заинтересованы в сохранении королевских прав и прерогатив в качестве источников своих доходов. Среди слуг Спальни идею Великого контракта поддерживали только англичане граф Монтгомери и Эстон, который был к тому же членом палаты общин. Среди высших слуг двора

¹⁸⁸ О карьере Хэя см.: *Shreiber R. E. The First Carlisle: Sir James Hay, First Earl of Carlisle as Courtier, Diplomat and Entrepreneur, 1580–1636* // *Transactions of the American Philosophical Society*. Vol. 74. Part 7. Philadelphia, 1984.

¹⁸⁹ В 1604 г. Дэвид Марри, родственник камер-юнкера Спальни Джона Марри, сам камергер спальни принца Карла, получил от Сесила пенсию 400 фунтов в год. При этом когда-то всесильный министр извинялся, что это меньше, чем шотландец действительно заслужил, но в будущем «он поддержит любое пожалование, которое вы попросите» (*Salisbury Papers... Vol. 17. P. 220*).

за контракт выступали союзники Сесила в Совете — лорд-камергер Саффолк и шталмейстер двора граф Вустер.

Сам Яков I в парламентской речи в 1610 г. в ответ на обвинение в чрезвычайной расточительности расценивал щедрость к шотландцам как должное проявление собственного достоинства и как естественную благодарность тем, рядом с кем он рос, воспитывался и сформировался как правитель. Согласно королевской логике, без должной щедрости по отношению к его ближайшим (старым) слугам невозможна какая-либо благосклонность к его новым подданным¹⁹⁰. Щедрость к шотландцам рассматривалась им в духе средневековой традиции королевской справедливости, иначе король мог прослыть «неблагодарным». Таким образом, щедро награждая шотландцев, Яков I в действительности подпитывал надежды его английских подданных. Чем не средневековая схоластика?

Вместе с тем король уверял, что в настоящее время он более умерен, и его щедрость в равной мере распределяется на обе нации, и если не будет субсидий, то не будет и его щедрости к англичанам. Это уже больше походило на шантаж. Новые подданные короля должны были снискать королевскую щедрость своей сговорчивостью. Сесил разделял мнение Якова I о том, что заставить короля отказаться от чрезмерной щедрости к шотландцам означает заставить его изменить свою судьбу, ибо «он был рожден среди них»¹⁹¹.

Парламент 1610 г. фактически вылился в противостояние английской провинции и шотландской Спальни. В октябре французский посол сообщал, что от критики больше всех страдают шотландцы¹⁹². Парламентарии считали, что именно они «пожирают все». Депутат Хоскинс открыто заявил в нижней палате, что они должны освободить Якова из того плена, в котором он находится эти 7 лет, причем это проблема «не личная, а национальная», иначе невозможно наполнить королевскую бочку, которая дала течь¹⁹³.

Некоторые парламентарии понимали, что причина королевской щедрости именно к шотландцам кроется в особенностях организации Королевской палаты. Джон Хоулз обвинял шотландцев Спальни в том, что они стоят, подобно горам между лучами света, исходящими от Его Величества и остальными подданными, и предлагал поделить штат Спальни поровну между нациями в обмен на субсидии¹⁹⁴.

---

¹⁹⁰ Proceedings in Parliament 1610... Vol. 1. P. 50; Vol. 2. P. 23, 61–62.

¹⁹¹ Ibid. Vol. 2. P. 23.

¹⁹² Ibid. P. 295.

¹⁹³ Ibid. P. 344–346.

¹⁹⁴ Cuddy N. The Revival of the Entourage... P. 265.

Яков I отреагировал на это предложение несколько иначе. Он установил паритет не в Спальне, а в Личной палате, при этом сократив 14 англичан и всего 3 шотландцев¹⁹⁵. Этим король продемонстрировал, что он не намерен идти на уступки в вопросе формирования собственного окружения, тем более допускать в него англичан.

В том же 1610 г. Совет также пытался урезонить шотландцев, а те в ответ предприняли атаку на Сесила и его проект. У них было большое преимущество перед всеми остальными политическими противниками — свободный и постоянный доступ к королю. Томас Лейк обвинял Карра в том, что он убедил короля, что палата общин якобы стремилась выслать шотландцев домой. Это стало поводом для роспуска парламента.

Несмотря на жесткую критику Совета и парламента, Яков I продолжал раздачу пожалований в пользу шотландцев и процесс их натурализации. В том же 1610 г. были натурализованы Карр, Джон Марри, Окмьюти, Левингстон — все слуги Королевской спальни.

В 1616 г. был составлен отчет о пожалованиях, выданных шотландцам. Оказалось, что 133 100 фунтов было пожаловано им в долгах короне, 88 000 фунтов наличными и 10 614 фунтов — ежегодными пенсиями¹⁹⁶. Сесил предпринимал неоднократные попытки бюрократическими методами, а также действуя через Тайный совет, ограничить королевские расходы и пожалования. В результате просители начали действовать в обход Сесила и его помощников и обращаться либо лично к королю, либо к слугам Спальни.

Различие позиций проявилось и в выделении приоритетов парламентской политики короны. Для Якова I и его окружения главной задачей являлось достижение англо-шотландской унии, для Сесила и Совета — решение финансовых проблем короны.

Как и в случае с государственными ведомствами, Яков Стюарт так и не смог установить контроль над английским парламентом. Точнее, в первые годы правления он не видел в этом необходимости, опираясь на свою шотландскую практику. Яков I не использовал, а наоборот, самостоятельно отбросил те средства, при помощи которых Елизавете удавалось контролировать парламент.

Выборы 1604 г. оказались самыми «свободными» за весь тюдор-стюартовский период. Они были свободными от королевского надзора и от попыток продвинуть придворных кандидатов. В 1612 г. Джон Чемберлен сообщал, что король был недоволен тем, что «ему плохо служили

¹⁹⁵ *Thomson A.* John Holles // *Journal of the Modern History.* 1936. Vol. 8. Nr. 3. P. 153.

¹⁹⁶ *Dietz F. G.* English Public Finance... P. 104–105.

в парламенте по причине малочисленности в нем советников и слуг хаусхолда»¹⁹⁷. Американский историк Уилсон оценивал провал парламентского контроля как неудачу всей системы тюдоровского управления, которую символизировал Сесил¹⁹⁸. Деятельность большинства королевских слуг, выбранных в последующие парламенты, демонстрирует, что в их поведении все же доминировали не корпоративные, а личные интересы.

Парламентарии стремились избавиться от присутствия в палате общин королевских слуг и советников, поскольку, по мнению отечественного исследователя К. Кузнецова, «они (слуги. — В. К.) подкапывались под саму идею представительства»¹⁹⁹. В то же время Яков I никогда не допускал ко двору лидеров парламентской оппозиции, например, Джона Хоулза, о котором Бэкон писал королю, что тот «хотел вслед за парламентом склонить на свою сторону и двор»²⁰⁰. Интересно, что некоторые активные парламентские оппозиционеры являлись бывшими неудачными придворными.

Напротив, придворные высоко ценили депутатские места. На выборах они демонстрировали свое преимущество перед другими кандидатами, подчеркивая право доступа ко двору и возможность добиться определенных льгот.

По мнению Н. Кадди, значительную роль в определении направленности придворной политики Якова I играла именно проблема англо-шотландской унии²⁰¹. По замыслу монарха, двор должен был стать моделью для заключения союза на основе паритетного представительства обеих наций. Яков I активно использовал репрезентативные и художественные возможности двора для пропаганды объединительных настроений и продвижения планов союза в парламенте.

Придворные маскарады являлись не только средством пропаганды союза, но и представляли собой серию попыток ответить на критику унии²⁰². Например, маскарад на свадьбе влиятельного шотландца Хей

---

¹⁹⁷ Цит. по: *Willson D. H. The Earl of Salisbury and the «Court» Party in Parliament, 1604–1610 // The American Historical Review. 1931. Vol. 36. Nr. 2. P. 280; The Letters of John Chamberlain... Vol. 1. P. 362.*

¹⁹⁸ *Willson D. H. The Earl of Salisbury... P. 294.*

¹⁹⁹ *Кузнецов К. А. Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах. Одесса, 1915. С. 170–171.*

²⁰⁰ Цит. по: *Thomson A. John Holles... P. 152.*

²⁰¹ *Cuddy N. Anglo-Scottish Union and Court of James I, 1603–1625 // Transactions of the Royal Historical Society. 1989. Ser. 5. Vol. 39. P. 107–124.*

²⁰² *Butler P. M. The Invention of Britain and the Early Stuart Masque // The Stuarts Court and Europe. Essays in Politics and Political Culture / Ed. by M. Smuts. Cambridge, 1996. P. 65–85.*

был выстроен как диалог между англичанином-елизаветинцем и британцем-яковитом.

Новый двор стал своего рода политической сделкой, попыткой соединить английскую и шотландскую придворные и властные традиции. Яков I стремился вписать новый хаусхолд в английскую административную систему, но именно двор и Королевская спальня стали камнем преткновения на этом пути и поводом для оппозиции объединительным планам.

Идея равног представительства во властных структурах встретила сопротивление английской знати и бюрократии. Компромисс был найден в том, что высшие государственные посты оставались за елизаветинцами, а Яков сохранял шотландское окружение в Королевской спальне, которое и составило ядро нового двора.

В дальнейшем Яков I пытался демонстрировать паритет через парные назначения при дворе. Но это не принесло должного результата. Англичане были по-прежнему недовольны ограничением доступа к королю в пользу шотландцев из Спальни. При дворе периодически вспыхивали конфликты между представителями наций, и ходили слухи о заговорах против шотландцев²⁰³.

С самого начала объединения дворов стали возникать споры и конфликты между англичанами и шотландцами, нередко они вспыхивали, казалось бы, на чисто «бытовой» почве. В июле 1603 г. Карлтон писал из Виндзора, где остановился двор, о ссорах между английскими и шотландскими лордами из-за расквартирования во дворце²⁰⁴. 8 июля Яков I был вынужден выпустить прокламацию о примирении наций²⁰⁵. Дело было не только в соперничестве за преобладание в ближайшем окружении короля, но и в противостоянии двух культур, двух стилей жизни.

Шотландские слуги Спальни болезненно реагировали на любые, даже самые незначительные выпады в свой адрес. В сентябре 1605 г. Джон Марри доложил королю, что шотландцы Спальни осудили один пассаж в пьесе «*Estward Ное*» и **требовали наказать ее автора**. Подобные петиции были также направлены Сесилу и лорд-камергеру. Смысл пассажа заключался в том, что, по мнению одного из героев пьесы, шотландцы, хотя и являются самыми лучшими друзьями англичан во всем мире, но лучше всего держать их подальше от Англии²⁰⁶.

Особое возмущение шотландцев вызвала речь Кристофера Пиггота в парламенте 1607 г. с обвинениями в их адрес. Один из королевских

²⁰³ *Akrigg G. P.* Jacobean Pageant... P. 49–54; CSP Dom. 1603–1610. P. 165, 188.

²⁰⁴ *The Progresses...* Vol. 1. P. 194.

²⁰⁵ *Stuart Royal Proclamation...* Vol. 1 P. 38–40.

²⁰⁶ *A Jacobean Journal.* Vol. 1 (15 октября 1605 г.)

спальников, Джон Рамзи, доложил об этом королю и потребовал арестовать оратора, что и было сделано²⁰⁷. Бэкон выступил с ответом, утверждая, что шотландцев, за исключением королевского окружения, было не столь много при дворе²⁰⁸. Но проблема была не в количестве, а в том, что они пользовались непропорционально большим преимуществом в аккумуляции королевской щедрости и реализации королевской воли.

Особое неприятие по отношению к шотландцам проявляли те англичане, кто либо был вынужден оставить свои должности в их пользу, либо те, кому они преградили продвижение ко двору. Джон Хоулз, один из таких англичан, считал, что именно с приходом «бедных и голодных шотландцев... начала угасать слава английского двора». Из-за шотландцев, по мнению Хоулза, двор покинули лучшие из джентри, «презирая их соседство», что привело к ослаблению той связи между двором и графствами, которая существовала во времена Елизаветы²⁰⁹.

Чрезмерная щедрость короля по отношению к шотландцам и их привилегии стали поводом для провала унии в парламенте. Тот же Джон Хоулз, один из наиболее активных ораторов парламента 1610 г., объявил королевский двор «причиной всего». Он особенно нападал на шотландцев, которые монополизировали Спальню и придворный патронаж. Хоулз предложил разделить штат Спальни поровну между нациями²¹⁰.

Сам Хоулз являлся представителем того поколения джентри и горожан, которое было отторгнуто Яковом I ради сохранения положения шотландцев. В рамках тюдоровской традиции они рассматривали государственную и придворную службу как высшую форму гражданского призвания, в которой совмещались личные выгоды и государственные интересы²¹¹. Апеллирование к своему служебному опыту и достойному происхождению не помогло Хоулзу закрепиться при новом дворе.

Причина разрыва между «двором» и «страной» кроется не столько лично в Якове I и его предпочтении своим соотечественникам, сколько в специфической консервативности придворной машины, ограниченности ее ресурсов, ее корпоративной замкнутости. Ограниченное предложение придворных и государственных постов рождало ажиотажный спрос, а решающими факторами в выборе из нескольких кандидатов

---

²⁰⁷ *Birch T.* The Court and Times of James the First / Ed. R. F. Williams: In 2 vols. London, 1849. Vol. 1. P. 81–83.

²⁰⁸ *Letters and Life of Francis Bacon: In 7 vols. / Ed. by J. Spedding.* London, 1861–1874. Vol. 3. P. 311.

²⁰⁹ *Holles G.* Memorials of the Holles Family... P. 250.

²¹⁰ *Thomson A.* John Holles... P. 153.

²¹¹ *Ibid.* P. 171–172.

являлись патронатно-клиентные связи, подкрепленные соответствующими средствами. Включение нового шотландского элемента еще более сократило предложение, а замкнутость Спальни ориентировала потоки, питающие фонтан королевской щедрости и исходящие от него, в одном направлении.

В этой связи выдвижение на первые роли в системе придворных патронатно-клиентных отношений камергера Спальни Роберта Карра и его назначение на пост лорд-камергера двора (июль 1614 г.) может рассматриваться как негативное персонифицированное решение проблемы унии: шотландский фаворит, формальный и неформальный лидер королевской палаты должен был стать при дворе покровителем и англичан, и шотландцев. К тому же Яков I сознательно подталкивал его к союзу с кланом Говардов. Назначение Роберта Карра лорд-камергером хаусхолда ставило его в один ряд с ведущими министрами государства. Формальный придворный должностной статус наполнялся реальным политическим содержанием.

Яков I заявил, что он передал этот пост Карру как самому близкому другу, которого «он любит больше всех живущих» на земле. Яков I сознавал значение должности и то, какую роль был призван играть его фаворит, когда писал о том, что «все придворные милости и должности проходят через него как лорд-камергера»²¹².

Кроме того, после смерти Р. Сесила Р. Карр фактически стал выполнять обязанности госсекретаря, распоряжаться личной королевской печатью. Карру была переадресована вся иностранная корреспонденция. Он также контролировал деятельность комиссии, которая ведала функциями лорд-казначей²¹³.

Известно, что Карр появился при дворе в 1607 г. и быстро завоевал расположение короля, присягнул сначала камер-юнкером, а вскоре был назначен камергером Королевской спальни. Он заменил в качестве королевского фаворита англичанина графа Монтгомери. Возможно, это была своеобразная реакция Якова I на провал унии в парламенте²¹⁴. Весной 1611 г. Карр принял титул виконта Рочестера и стал первым из шотландцев, получившим право заседать в английском парламенте. Некоторые современники считали, что уже осенью 1611 г. он имел больше влияния, чем лорд-казначей. Это проявлялось в его большей

²¹² CSP Dom. 1611–1618. P. 244; Letters of King James VI and I/Ed. by G. P. V. Akrigg. Berkeley, 1984. P. 339–340.

²¹³ Именно на этот период приходится новый резкий рост государственного долга: с 300 000 до 688 000 фунтов (Constitutional Documents of the Reign of James I/Ed. by J. R. Tanner. Cambridge, 1952. P. 356).

²¹⁴ Cuddy N. Anglo-Scottish Union... P. 116.

популярности у просителей королевской милости, чем Сесила²¹⁵. Ему же принадлежит ведущая роль в срыве политики Сесила по заключению Великого контракта.

Кроме того, как известно, Карр внес серьезный разлад в королевскую семью, противостоя королеве и принцу Генри. Не случайно временные примирения между ними воспринимались как события, значимые для внутренней политической стабильности²¹⁶.

Карр, чьи возможности при жизни Сесила (до 1612 г.) были ограничены, стал своего рода «козырной картой» в придворной партии, или, как выразился немецкий историк Гебауэр, «прагматической партии», состоящей из одного человека²¹⁷. Не обремененный политическими установками, он создал ситуацию, когда тактическая победа фракций зависела от того, кто переманит фаворита на свою сторону. Карр мог предоставить своим союзникам больше преимуществ. Показательной стала борьба фракций за освободившийся пост государственного секретаря. Первоначально Карр склонялся в пользу парламентского оппозиционера Невила, за которым стояли протестантские лидеры графы Пемброк и Саутгемптон. При данном раскладе Карру отводилась роль посредника между королем и парламентом. Это давало бы фавориту возможность проявлять политическую активность, стать самостоятельной политической фигурой. К тому же, в этот период его стали воспринимать в обществе как защитника протестантов при дворе короля²¹⁸. Но подобный расклад не устраивал, прежде всего, Якова I, которому нужен был верный слуга и исполнитель его воли, а не новый политический лидер. Яков I стал активно подталкивать Карра к союзу с Говардами, чему способствовала любовная связь фаворита с леди Эссекс, дочерью графа Саффолка, и спор с Пемброком за пост шталмейстера.

Конец 1613–1614 год — период бесспорного господства Карра в придворной системе²¹⁹. Его поддержкой стремились заручиться лидеры придворных фракций, прежде всего, из клана Говардов, в частности,

---

²¹⁵ Peck L. L. Northampton: Patronage and Policy at the Court of James I. London, 1982. P. 30.

²¹⁶ CSP Dom. 1611–1618. P. 127, 135; The Letters of John Chamberlain... P. 346, 357–361. — Подробнее о королевской семье и ее отношении с фаворитами см.: Bergeron D. M. Royal Family, Royal Lovers, King James of England and Scotland. Columbia; London, 1989.

²¹⁷ Gebauer A. Von Macht und Mäzeratentum. Leben und Werk William Herberts, des dritten earls von Pembroke. Heildergerg, 1985. P. 90.

²¹⁸ CSP Dom. 1611–1618. P. 220, 226.

²¹⁹ Д. Финет, один из церемониймейстеров двора, в конце 1613 г. пишет о нем в своих дневниках как о «most favored Servant» (Finetti Philoxenis... P. 13).

Нортгемптон, который претендовал на пост лорд-казначей после смерти Сесила. Поддержка фаворита стала решающим фактором в борьбе за эту должность. Нортгемптон открыто льстил Карру, называя его «перводвигателем нашего двора». Впоследствии Нортгемптон через Карра направлял Якову I отчеты и получал королевские инструкции, продвигал на ответственные посты своих клиентов. Их отношения были взаимовыгодными. Нортгемптон, в свою очередь, гарантировал королевскому фавориту поддержку в назначении на пост лорд-камергера и продвижение шотландцев на различные должности. Автор одного из историко-публицистических произведений первой половины XVII в. видел отличие Карра от других фаворитов в том, что он стал им «только благодаря собственным стараниям, а не обману» и без помощи разного рода петиций и просьб. Но его недостаток заключался в том, что он слишком поддавался просьбам и влиянию других.

Несмотря на тесные связи, сложившиеся с некоторыми лидерами аристократических группировок, Карр всегда оставался человеком Якова I. На протяжении 1614 г. Карр фактически являлся главой слуг Спальни, поскольку обер-камергер Т. Эрскин часто болел и отсутствовал при дворе. Такое стратегическое расположение позволяло ему контролировать назначение на должности и распределение пожалований. Лидеры оппозиции в палате лордов Пемброк и Саутгемптон так и не смогли получить обещанных продвижений соответственно на пост лорда-камергера и в Совет.

Карру была уготована роль связующего звена между королем и английской аристократией, чтобы король мог заручиться ее поддержкой в парламенте. Но еще менее успешный для короля парламент 1614 г. показал несостоятельность данной политики. Слишком серьезны были разногласия внутри английской аристократии, и существовала принципиальная невозможность решить подобным образом проблему унии. Поэтому скорое восхождение Дж. Виллерса, будущего герцога Бэкингема, ознаменовало новое направление стюартовской политики.

Бэкингом брал под свое крыло бывших клиентов Карра. Была проведена своего рода кампания по восстановлению политического равновесия при дворе: граф Эррандел, новый лидер изрядно ослабленного клана Говардов, был включен в Совет, а Джон Дигби назначен вице-камергером двора, в заместители своему главному на тот момент оппоненту в продвижении идеи испанского брака графу Пемброку.

В Королевской спальне равновесие было отчасти восстановлено возвышением нового шотландского фаворита маркиза Гамильтона и назначением в 1616 г. герцога Леннокса, родственника Якова I и слуги Королевской спальни, на возрожденный пост лорд-стюарда, в противовес графу Пемброку, который получил пост лорд-камергера. При дворе была

создана разветвленная система политико-административных противовесов, в которой решающими факторами оставались личная инициатива Якова I и контроль над Королевской спальней.

Таким образом, проблема унии в конце правления была сведена к созданию системы дуального фаворитизма²²⁰: Бэкингом осуществлялся контроль над английским, а Гамильтоном над шотландскими направлениями стюартовской политики. Пемброк и Леннокс поделили административно-финансовый контроль над придворными структурами.

Не случайно, что обвинения против шотландцев и, соответственно, против Королевской спальни практически исчезли к началу 1620-х годов. Если две трети яковитского правления Спальня была одной из причин провала унионистской политики короля, то в последней трети именно Королевская спальня, состоящая из представителей обеих наций и имевшая формального главу в лице шотландца Эрскина и неформального лидера в лице англичанина герцога Бэкингема, стала символом и единственным воплощением унии.

Таким образом, в период правления Якова I происходит институциональное выделение субдепартамента Королевской спальни как относительно самостоятельной и ближайшей к королю придворной структуры. Спальня становится наиболее значимой службой двора и одним из политических и церемониальных центров стюартовской системы. Первоначально среди слуг Спальни доминирующее положение занимала шотландская придворная элита. Являясь собственной клиентелой короля, она стремилась ограничить доступ к монарху, выступала в качестве проводника королевской политики, посредника между Яковом I и английской социальной элитой.

Возможно, что Яков Стюарт рассматривал Спальню как часть общей политики, направленной на расширение елизаветинского истэблшмента, которая также осуществлялась через натурализацию шотландцев и создание прочной системы англо-шотландских брачных связей. Камергеры Спальни как бы представляли новую яковитскую модель аристократа: как правило, низкое происхождение, привязанность ко двору и к королю лично, активное вовлечение в патронатно-клиентные связи, акцент не на военной, а гражданской службе, культурное покровительство, тесная зависимость материального положения от королевской щедрости и должностных привилегий.

С течением времени двор был отдан в руки королевских фаворитов вне зависимости от их национальной принадлежности, решающую роль стала играть их политическая и социальная значимость. За счет

---

²²⁰ *Cuddy N. Anglo-Scottish Union... P. 119–121.*

ставленников последних штат Спальни заметно увеличился, утратив свою однородность.

Противоречие раннестюартовской придворной политики заключалось в том, что, с одной стороны, Яков I **стремился укрепить двор в качестве** политико-административного, социального и культурного центра, что привлекло ко двору представителей различных общественных слоев, надеявшихся на обогащение и продвижение по социальной лестнице. С другой стороны, он отдавал явное предпочтение узкому кругу лиц, ближайшим слугам и фаворитам, что ограничивало интегрирующую роль двора, выталкивая на периферию всех остальных. Джон Хоулз считал, что именно власть королевских фаворитов, которые продвигали на придворные должности «незначительных персон», привела к разрыву прежних связей между двором и графствами²²¹.

Богатый и щедрый стюартовский двор одновременно восхищал современников и был одной из главных причин недовольства новой династией. Он требовал внушительных затрат, а финансовые возможности короны в раннее Новое время были весьма ограничены из-за отсутствия регулярных налогов. Финансовые запросы хаусхолда превращались в общенациональную проблему, когда их удельный вес в государственных расходах угрожал стабильности всей финансовой системы государства.

Расходы двора стали предметом политического торга между королем и парламентом. Отвечая на критику депутатов, Сесил в 1610 г. утверждал на сессии обеих палат парламента, что «щедрость неотделима от короля... и если он не жалуется, то... его подданные пребывают в дурном настроении»²²². Яков I нашел выход из данной ситуации в направлении потоков королевской милости прежде всего на избранный круг королевских слуг.

Одной из причин возвышения слуг Спальни при Якове I Стюарте было то, что она являлась частью общей стратегии короны по расширению границ английской аристократии, которая в елизаветинский период состояла из нескольких семей. В плане присутствия титулованной знати Королевская спальня стала весьма представительным местом. До 1615 г. в ее состав входили 1 герцог, 2 графа, 2 виконта, не говоря о баронах. К концу правления Якова I к ним добавились еще 2 маркиза, 6 графов и 2 герцога. Первоначально утвердившиеся как ближайшие советники короля, слуги Королевской спальни постепенно поднялись на верхние ступени социальной иерархии.

---

²²¹ *Holles G. Memorials of the Holles Family... P. 250.*

²²² *Proceedings in Parliament 1610... Vol. 2. P. 23.*

Английская аристократия, осознав возросшую роль двора в политических и административных вопросах, стремилась занять придворные посты или продвинуть «своих» протеже в персонал Спальни. Постепенно при дворе была создана внушительная система политико-административных противовесов, частично удовлетворившая амбиции лидеров почти всех придворных группировок. Должности в государственных ведомствах, посты в Тайном совете потеряли былую значимость, а деятельность Совета к концу правления Якова I была парализована. Тенденция к бюрократизации государственного управления, наметившаяся при Елизавете Тюдор, была временно приостановлена. Двор вновь стал политическим и, в значительной степени, административным центром государства.